

Александр Антонов
Война по распорядку

Красным по белому. Альтернативная сага

Александр Антонов

**Война по распорядку. Красным
по белому. Альтернативная сага**

«Издательские решения»

Антонов А.

Война по распорядку. Красным по белому. Альтернативная сага /
А. Антонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967162-2

Германию лихорадило. То в одном, то в другом месте левые, подстрекаемые Коминтерном, пытались захватить власть — и всякий раз неудачно. Побитые, из тех, что не были схвачены или убиты, частью рассеивались, а частью устремлялись в единственную германскую провинцию, где их товарищи пребывали у власти, придя к ней когда-то вполне законным путём. Полякам на соседские дразги было плевать, они неплохо наживались на транзите.

ISBN 978-5-44-967162-2

© Антонов А.
© Издательские решения

Содержание

КРАСНЫМ ПО БЕЛОМУ	6
Книга четвёртая	7
ВОЙНА ПО РАСПОРЯДКУ	8
19—АВГУСТ—33	8
Кодекс звезды	8
МГУ	10
Свастика наползает	14
1934 ГОД	17
1936 ГОД	21
1937 ГОД	33
Над всей Испанией безоблачное небо	33
19—АПРЕЛЬ—38	42
Судьбы сплетенье...	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Война по распорядку Красным по белому. Альтернативная сага

Александр Антонов

© Александр Антонов, 2019

ISBN 978-5-4496-7162-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КРАСНЫМ ПО БЕЛОМУ
(альтернативная сага)
вторая редакция

*«Им нужны великие потрясения,
нам нужна Великая Россия!»*
П. А. Столыпин

Книга четвёртая

ВОЙНА ПО РАСПОРЯДКУ

19—АВГУСТ—33

Кодекс звезды Москва. Воробьёвы горы

Петлявшая по лесу тропинка в этом месте заканчивалась. Рискнёшь, сделаешь ещё шаг, можешь не удержаться на краю крутого обрыва, сорвёшься, полетишь вниз к Москве-реке, костей не соберёшь...

Вот только зачем куда-то идти, если ты уже пришёл, если открывается перед тобой простор необозримый, и весь он до самого горизонта заполнен одним только городом, имя которому Москва.

– Папка, как здесь здорово!

Жехорский посмотрел на счастливое лицо дочери, и уголки губ невольно раздвинулись в улыбке. Им редко доводилось куда-то выбираться вдвоём. Этим летом так почти и не виделись. Сначала Анна-Мария гостила в Петрограде, потом подросла путёвка в «Артек». Её отец, Секретарь Госсовета, в год Президентских выборов об отпуске вообще не помышлял. Но на этот день Жехорский заранее запланировал после обеда свободное время, которое без остатка и сожаления посвятил дочери.

Анна-Мария забрала из рук отца тяжёлый морской бинокль и стала рассматривать город в многократном увеличении.

«Когда же она успела вырасти? – думал Жехорский. – Вот и пионерский галстук сносила. Теперь носит на груди – Господи, у неё уже наметилась грудь! – „молодогвардейский“ значок („Молодая гвардия“ – молодёжная организация партии эсеров). Позади Средняя школа. Завтра первый день учёбы в Старшей школе. Инженером быть не захотела, выбрала гуманитарное направление. Ну и правильно!»

– Папка, а я нашу новую квартиру разглядела! – похвасталась Машаня.

– Молодец! – похвалили Жехорский, хотя прекрасно понимал: привирает. Нет, саму стройку в начале Кутузовского проспекта отсюда рассмотреть, да ещё в бинокль, конечно можно, но чтобы квартиру...

– Папка... – голос Анны-Марии чуть заметно дрогнул. – А мама любила здесь бывать?

Жехорский привлёк дочь, и та сразу к нему прильнула.

– Честно говоря, не знаю. – Жехорский невольно кинул взгляд на золотые купола Новодевичьего монастыря. – Боюсь, что она вообще про это место не знала. Мы ведь, когда её не стало, в Петрограде жили.

Какое-то время они стояли молча, любясь открывающимся видом. Потом Машаня спросила:

– Папка, ты не знаешь, зачем по лесу геодезисты шастают?

– Если ты имеешь в виду тех, что попались нам по дороге сюда – знаю, – улыбнулся Жехорский. – Они площадку под строительство университета намечают.

– В Москве собираются строить ещё один университет? – удивилась Машаня.

– Нет, мы просто собираемся вынести существующий университет за пределы Садового кольца, – пояснил Жехорский. – Это место – одно из трёх, куда он может быть перенесён.

– Хорошо бы – сюда, – мечтательно произнесла Машаня. – Я бы здесь училась...

– А вот это точно нет, – огорчил дочь Жехорский. – Строительство начнётся не скоро, и к тому времени, когда оно завершится, ты уже закончишь учёбу в университете.

– Жаль, – вздохнула Машаня. Потом как-то странно посмотрела на отца. – Можно, я у тебя спрошу?

– Спрашивай, – разрешил Жехорский.

– Правда, что ты пишешь все указы, а Вавилов их только подписывает?

– Откуда ты извлекла подобную глупость? – удивился Жехорский.

– Из Жанки Коганович! – рассмеялась Машаня. – Она меня ещё «кардинальшей» дразнит. Сказать, почему?

– Не надо, – отказался Жехорский.

О том, что заместитель председателя Государственного Транспортного Комитета СССР (ГТК) коммунист Лазарь Коганович в числе прочих недоброжелателей за глаза называет его «серым кардиналом» при президенте СССР, ему было известно.

– Права твоя Жанка только в одном. – Жехорский взглянул на дочь. – Составлением текста указов занимается не один президент. Для этого у него есть большая группа помощников, и я среди них. Но подписывает указы Николай Иванович сам, никто в это время у него за спиной не стоит, и уж тем более рукой его не водит. Усекла?

– Усекла! – кивнула Машаня.

– И давай-ка ты Жанку поменьше слушай, – посоветовал Жехорский.

– Так я и не хочу слушать, – вздохнула Машаня, – да приходится: она ведь за соседней партией сидит. Папка, ответь, почему её отец на тебя так сердит, вы ведь одно дело делаете?

– А с чего ты взяла, что он сердит на меня? – удивился Жехорский. – Нет, дочь, это он на себя сердит. Не видит в полном объёме Лазарь Моисеевич того дела, которое делает, а впотьмах-то работать кому уютно? Вот и сердится. А поскольку признавать этого не хочет, то и ищет виноватых вокруг себя. Не было бы меня, нашёл бы кого другого.

– А заменить его разве нельзя? – спросила Машаня.

– Вот вырастешь, выучишься и заменишь! – отшутился Жехорский. Потом решил сменить тему разговора: – Ответь-ка мне вот на какой вопрос, – обратился он к Машане, – что ты думаешь о Соединённых Штатах Америки?

– Это наш самый большой торговый партнёр и самый непримиримый идеологический противник! – не задумываясь, выпалила Машаня.

– Молодец, вызубрила, – похвалил Жехорский, – и в чём эта самая непримиримость состоит?

– В том, что у американцев на первом месте стоит жажда наживы, а у нас – жажда знаний. Папка, кончай меня экзаменовать!

– Уже кончил, – поспешил успокоить дочь Жехорский. – Тем более что ответила ты верно. То, что американцы – безусловно, великая нация – попутали приоритеты и поставили наживу впереди знаний – это их большая тактическая ошибка. Заметь, дочь, тактическая! А вот в стратегии мы с ними почти во всём совпадаем. И у нас, и у них основным государственным приоритетом является Кодекс Звезды.

– Кодекс Звезды? – удивилась Машаня. – Никогда не слышала...

– И ни от кого, кроме меня, не услышишь, – подмигнул дочери Жехорский, – потому что я его сам придумал.

– Расскажи! – попросила Машаня.

– Да там всё очень просто. Я имею в виду, Кодекс Звезды очень прост: светить всем!

– И это всё? – удивилась Машаня.

– А чего больше-то? В переложении на государство это означает предоставление равных прав и свобод всем, в этом государстве рождённым, всем без исключения!

Машаня задумалась, потом в сомнении покачала головой:

– Но ведь и у них – я имею в виду негров – и, если присмотреться, у нас, существует неравенство. Откуда оно в таком случае берётся?

– Вот! – поднял палец к небу Жехорский. – Откуда неравенство... Я ведь не зря давеча сказал «рождённый». Человек под Кодексом Звезды рождается свободным. Свободу он начинает терять потом. Против воли: из-за цвета кожи, классовой принадлежности, и т. п. Или добровольно: в основном, из-за лени, хотя тут можно долго спорить, и найти, в конце концов, ещё тысячи причин.

Но главная причина неравенства состоит в ненадлежащем исполнении основного закона государства, если этот закон соответствует Кодексу Звезды.

Машаня разочарованно вздохнула.

– Папка, я, честно говоря, не улавливаю разницу: с Кодексом Звезды, без Кодекса Звезды, если потом всё равно найдутся те, кто всё испортит.

– Не скажи, – покачал головой Жехорский. – Под Кодексом Звезды всегда остаётся шанс, что всё когда-нибудь наладится, а без него – полная безнадёга. Простой пример. Ты знаешь, что такое фашизм?

– Ну, да – не очень уверенно ответила Машаня. – В Италии, и, кажется, в Германии...

– Добавь сюда ещё Японию, – посоветовал Жехорский. – там, если не по названию, то по сути, то же самое. А именно: превосходство одной расы над другими, неприятие всякого инакомыслия, идолопоклонничество и прочие антидемократические «прелести». О причинах возникновения этой плесени на теле человечества много говорить не буду, скажу только: они есть, они объективны, в них надо разбираться, чтобы они не возникали впредь.

– Но пока эта, как ты её называешь, плесень, только распространяется, или я не права?

– Права, дочь, права, – вздохнул Жехорский. – И, к сожалению, пик мощи фашизма ещё впереди. Но потом будет – и это неизбежно! – обрушение в пропасть. Жаль только, что эта «эпидемия» будет стоить человечеству миллионов жизней...

– Почему миллионов? – испугалась Машаня.

Жехорский опомнился. Как он сподобился втюхивать четырнадцатилетнему подростку мысли, до понимания которых не доросли многие весьма учёные дяди и тётки? Потому Жехорский постарался улыбнуться как можно беззаботнее.

– Я разве сказал «миллионов»? Извини, увлёкся. Всё это, дочь, не более чем теория, которую тебе лучше всего выкинуть из головы, потому что практика, вот увидишь, покажет совершенно иное! Ладно, давай полюбуемся ещё немного панорамой, да поедем домой. Не забывай, тебе завтра в школу!

МГУ

Встречу президента со студентами и преподавателями Московского Государственного Университета пора было закачивать. Николай Иванович Вавилов второй час отвечал на вопросы аудитории, и было заметно, что устал. Жехорский подал знак ведущему, и тот объявил:

– Ещё один вопрос и на этом будем закругляться!

Совершенно неожиданно это объявление послужило поводом для небольшого инцидента. В то время как большинство желающих задать вопрос понуро потянулись к своим местам, одна девушка решительно вышла вперёд, оттеснив стоявшего перед установленным в зале микрофоном юношу.

– Извини, но для меня это очень важно! – твёрдо сказала она.

Растерявшийся поначалу юноша попытался восстановить утраченный статус-кво.

– Для меня тоже очень важно, – заявил он, – к тому же я стоял первым!

Юноша попытался аккуратно оттеснить захватчицу от микрофона, но та, упрямо закусив губу, позицию не сдавала. В зале зашумели, слышались смешки. Ситуацию спас Вавилов, который обратился к юноше:

– Молодой человек, уступите девушке место, а я, со своей стороны, обещаю ответить и на ваш вопрос тоже.

После того, как порядок был восстановлен, ведущий предоставил девушке слово.

– Меня зовут Акгозель Мурадова, – Жехорский восторженно и стал присматриваться к девушке, – я студентка четвёртого курса филологического факультета.

– Я так понимаю, вы не москвичка, – сказал Вавилов, – откуда вы приехали?

– Из Туркестана, – ответила девушка, – из Амударьинского казачьего округа.

«Теперь понятно, почему я не сразу опознал в ней уроженку Туркестана, – подумал Жехорский. – Одежда, причёска – европейские, да и цвет кожи бледнее, чем у соотечественниц...»

– Издалека, – улыбнулся Вавилов. – Так что вы хотели спросить?

– Николай Иванович, – сказала девушка, – я прочла в газете, что готовится указ о выделении Туркестана из состава Российской Федерации, так я хочу вас попросить: не подписывайте этот указ!

Эти дерзкие слова вызвали ропот в зале. Вавилов поднял руку.

– Тише, товарищи! – Потом обратился непосредственно к Акгозель: – Признаться, барышня, вы меня удивили. Я бы даже сказал, немного смутили. – Вавилов сделал небольшую паузу. – Другое дело, мне легко пообещать то, о чём вы меня просите. И не потому, что я вот так сразу проникся сочувствием к вашим словам, – строго глядя на ошеломлённую привалившим счастьем девушку продолжил президент, – а совершенно по иной причине. Не мешало бы вам знать, милая барышня, что подписание названного вами документа целиком и полностью прерогатива руководства Российской Федерации, а не президента СССР. Вот когда придёт время завизировать изменение статуса Туркестана в составе СССР, тогда придёт мой черёд взять в руки перо. Или вы, – продолжая неотрывно смотреть на покрасневшую от досады за допущенную оплошность Акгозель усмехнулся Вавилов, – и этого предложите не делать? И не торопитесь с ответом! – предостерег Президент открывшую было рот девушку. – Любой ответ может оказаться ошибочным. Лучше вам вообще не отвечать на этот вопрос. А вот соображения относительно того, почему Туркестан не должен получить большую самостоятельность, я бы хотел от вас услышать!

Акгозель, которая успела взять себя в руки, смело посмотрела в лицо президенту.

– Выделение Туркестана из состава России автоматически повлечёт передачу тех ключевых постов в руководстве республики, которые сейчас занимают ставленники Петрограда, ставленникам Ташкента.

– И что вас смущает? – улыбнулся Вавилов. – Или вы считаете, что среди туркестанцев не найдётся нужного количества достойных людей?

Вряд ли, задавая этот вопрос, президент рассчитывал услышать:

– Да, я так считаю!

Вавилов на секунду растерялся, в зале вновь поднялся ропот, слышались гневные выкрики в адрес Акгозель.

Вавилов поднял руку призывая соблюдать спокойствие.

– Вы, разумеется, вправе иметь собственное мнение по любому вопросу, – сказал Вавилов, обращаясь к Акгозель. – Но шум за вашей спиной, который подняли, как мне только что подсказали, как раз ваши соотечественники, говорит, что они вашего мнения не разделяют.

– Ещё бы, – усмехнулась Акгозель, – спят и видят себя в «высоких» креслах!

На эти слова аудитория отреагировала неоднозначно: кто свистел, кто аплодировал. Вавилов дождался, пока в зале установится относительный порядок, потом укоризненно покачал головой.

– Не следует вам плохо отзываться о своих товарищах.

– Плохо? – изумилась Акгозель. – Разве нацеленность будущего чиновника на карьерный рост, это плохо?

– Если карьера делается исключительно ради карьеры, на что намекнули вы, то да, плохо! – твёрдо сказал Вавилов. – Но я очень сомневаюсь, что у вас были серьёзные основания делать столь далеко идущие выводы!

– Я на что-то подобное намекнула? – удивилась Акгозель. – Странно, не заметила... На самом деле я имела в виду несколько иное. Готова согласиться с вами, Николай Иванович, что все те «товарищи», о которых вы говорили, нормальные ребята. Но в том-то вся штука – это я так считаю, – что самые ответственные посты должны занимать люди пусть чуточку, но ненормальные...

– Это вы меня имеете в виду? – воспользовался случаем закончить сложный диалог в виде шутки Вавилов. – Ну, спасибо!

**

– А ведь эта девочка права...

Президентский лимузин мчал по улицам Москвы. Сидевший рядом с Вавиловым Жехорский оторвал глаза от содержимого папки, которую ему передали несколько минут ранее. Он хотел убедиться, не ему ли адресованы слова президента? Нет, Николай Иванович смотрел прямо перед собой, ответа от спутника не ждал, и продолжил:

– Насчёт ненормальности, я имею в виду. По крайней мере, в отношении меня точно права! Был бы я нормальным, никогда бы не согласился на предложение стать президентом!

Тут Вавилов посмотрел на Жехорского: понял ли тот, в чей огород он только что камень кинул?

Жехорский, разумеется, понял. Вавилов – его кандидатура. Вот только слюнявчик он сегодня с собой прихватить забыл, а значит, надо отвлечь президента от «сопливой» темы.

– Кстати о девочках, – сказал Жехорский, – Николай Иванович, мне тут передали очень любопытный материал на вашу сегодняшнюю оппонентку...

– На Акгозель? – удивился Вавилов. – Так быстро?

– Фирма веников не вяжет, – усмехнулся Жехорский, – особенно такая, как КГБ!

– Что-то вас, Михаил Макарович, на фразеологизмы пробило, – недовольно заметил Вавилов.

– Виноват, – тут же отреагировал Жехорский, – больше не повторится.

– Ладно, – сказал Вавилов. – Излагайте, что там у вас на нашу восточную красавицу.

– Акгозель Мурадова, – начал зачитывать Жехорский, – дочь полковника Амударьинского казачьего войска Амана Мурадова...

– Михаил Макарович, – прервал Жехорского Президент, – мне очень стыдно, но я почти ничего не знаю об Амударьинском казачьем войске. Вы меня не просветите на этот счёт?

– Охотно! – оторвался от папки Жехорский. – Тем более что я тоже приложил руку к его созданию.

– Действительно? – удивился Вавилов. – Как это случилось?

– Думаю вам известно, Николай Иванович, – начал Жехорский, – что с весны 1921 по осень 1922 года я представлял центральную власть в Туркестане. Довелось мне принимать участие и в походах Туркестанской Национальной Армии на Бухару и Хорезм. Победу нам тогда обеспечила высочайшая дисциплина и превосходящая техническая оснащённость

войск. В некоторых боях мы задействовали даже танки. Правда, до столицы Хорезма Хивы – ох, и трудный, я вам скажу, был поход! – ни один танк без поломок не дошёл, некоторые машины вообще чуть в песках не остались. Правда, конструкторы сделали тогда верные выводы и теперешние танки «пустынного» исполнения проходят через пески не хуже верблюдов. Но это так, к слову. А Хиву мы взяли и без танков. На этом поход, собственно, окончился. Остатки отрядов Джунаид-хана рассеялись по степям да пустыням, где их добивала наша конница. Сам Джунаид-хан ушёл в Каракумы, там и сгинул без следа. Так вот. Денька через три, как мы взяли Хиву, я, Буриханов и Турани пили чай на веранде моей временной резиденции...

– Постойте, – перебил Вавилов. – Вы имеете в виду генералов Асламбека Буриханова, командующего ТуркВО и Рашида Турани, председателя КГБ Туркестана?

– Точно так, – подтвердил Жехорский. – И именно в том разговоре Буриханов поведал о своём желании создать на Амударье казачье войско, а Турани предложил привлечь в него сторонников «Красного ислама».

– Погодите... – наморщил лоб Вавилов. – Это что же получается: Амударьинское казачье войско состоит из одних мусульман?

– Примерно на две трети, – ответил Жехорский. – А ещё треть – казаки-переселенцы из других казачьих округов.

– И что, амударьинские казаки настолько лояльны к центральной власти, что не хотят выделения Туркестана из состава России? – спросил Вавилов.

– Уже сделали вывод из перепалки с Акгозель? – улыбнулся Жехорский. – Поняли, откуда ноги растут? Всё так и есть, Николай Иванович! Кстати, эта самая Акгозель до отъезда на учёбу в Москву была лидером молодёжного крыла «красноисламистов» Туркестана.

– Насчёт перепалки я с вами не соглашусь, я бы назвал это небольшим диспутом, – сказал Вавилов, – да и ноги у девушки растут оттуда, откуда надо, и не будем эту тему развивать! Лучше скажите, вы-то сами, что думаете по поводу её слов?

– Начну с того, что девушка по-своему права. С её колоколенки всё выглядит именно так, как она сказала. Число образованных людей в расчёте на душу населения в Туркестане самое низкое на всей территории СССР. А процент выходцев из трудового народа среди этих образованных просто ничтожен. К слову сказать, Акгозель – единственная представительница трудящихся Туркестана, кто учится в МГУ. Остальные, как вы их назвали, «товарищи» – дети туркестанской знати или, в лучшем случае, тамошней интеллигенции. Так что если смотреть, повторюсь, с колокольни таких, как Акгозель, то нам действительно не следует отпускать Туркестан на вольные хлеба...

«Как же, „больше не повторится“, – вздохнул Вавилов. – Вот любит Михаил Макарович пересыпать свои речи всякой шелухой – и всё тут! Одно слово, горбатого могила исправит! Тьфу ты! Вот и я туда же...»

– Но мы-то с вами, Николай Иванович, сидим много выше, – продолжал меж тем Жехорский. – Нам-то известно, что чиновничьи кадры для нового Туркестана куются совсем не в кузне МГУ, верно? И мы твёрдо уверены, что на ключевых постах окажутся «наши» люди. С другой стороны, пора поставить многослойные фильтры на пути растущей трудовой миграции из Туркестана в другие регионы СССР, и это требование не только российских республик. Да и деньги Туркестану нужны свои, пусть и жёстко привязанные к рублю, а то уже вся мелочь туда ушла. Что касается экономики Туркестана, то с 17-го года она достаточно окрепла, чтобы не опасаться отцепить эту шлюпку от российского корабля – не утонет, да и мы по-прежнему рядом!

– Хорошо, Михаил Макарович, – остановил дозволенные речи Вавилов. – С девушкой мне теперь всё ясно, а убеждать меня в том, в чём я давно убеждён, далее не следует. Ответьте лучше вот на какой вопрос: Турани и Буриханов в новом правительстве Туркестана, видимо, могут рассчитывать на более высокие посты?

– Могли, когда бы захотели, – ответил Жехорский.

– Поясните! – попросил Вавилов.

– Турани, честно говоря, никуда двигать и не хочется. Уж больно хорошо он смотрится в кресле руководителя КГБ республики. Для пущей важности сделаем его ещё и заместителем председателя КГБ СССР, думаю, это устроит и нас и его. А вот Буриханов... – Жехорский посмотрел на Вавилова. – Он ведь после расформирования ТуркВО останется как бы без должности. Так мы ему предлагали подумать о самой высокой должности в республике. Подумал – отказался. Тогда предложили пост наркома обороны Туркестана – отказался! Назначьте меня, говорит, на должность командующего ударными силами Союза на территории Туркестана.

– Это он что, на понижение просится? – удивился Вавилов.

– Да нет, – ответил Жехорский. – Повышением это точно не назовёшь, но и серьёзным понижением, пожалуй, тоже...

– Так, может, удовлетворим просьбу заслуженного генерала? – предложил Вавилов.

Свастика наползает

Пруссия (подмандатная территория СФРР)

Кёнигсберг

В отличие от Анны-Марии Жехорской, которая – исключительно по дороге в школу и если пребывала в одиночестве – любила тихонько насвистывать, Эрих Кох свистуном, в прямом смысле слова, не был. Что, спросите, общего между московской школьницей и германским чиновником? Так, мелочь, пустяк... Просто в те погожие осенние деньки, когда новенькие туфельки Анны-Марии мерили дорогу от дома до школы, начищенные до блеска сапоги обер-президента Пруссии Коха мерили расстояние от трапа самолёта до ожидающего его автомобиля. Оставим на время Анну-Марию, пусть девочка спокойно учится, и сосредоточим всё внимание на событиях, в эпицентре которых вот-вот окажется... да нет, уже оказался, Эрих Кох.

Увы Николаю Ежову! Его надеждам увидеть председателя Государственного комитета иностранных дел Виноградова в роли провидца (помните заявление дипломата насчёт того, что нацисты никогда не придут к власти?) в конце января 1933 года пришёл кердык. Маразматик Гинденбург трясущимися руками повесил цепь канцлера Германии на шею Адольфа Гитлера, тем самым наложив на великую нацию страшное проклятие, избавляться от которого ей придётся через кровь и страдания, и ладно бы только свои...

Но в тот день скорбно покачали головами разве что наши попаданцы. Остальной мир и ухом не повёл, кроме, разумеется, немцев, которые почти поголовно радовались, правда, по разным поводам. Ну, чему радовались сторонники Гитлера – понятно, а чему радовались остальные, те же коммунисты, например? Вот слова, сказанные во время митинга на одном из кёнигсбергских заводов лидером немецких коммунистов Эрнстом Тельманом. «Товарищи! Приход нацистов к власти лишь приближает нашу победу! Трудно найти для Германии более несостоятельное правительство. Очень скоро это станет ясно всем, и тогда власть естественным путём перейдёт в руки левых сил во главе с коммунистами!» Сомневаетесь, что он такое говорил? Ну не говорил, так думал, какая разница? Главное, что теперь, нервно расхаживая по кабинету в ожидании прибытия наместника Гитлера, министр-президент Пруссии Эрнст Тельман был настроен далеко не столь оптимистично.

«То, что Эрих Кох ещё и гауляйтер – не страшно. В нашем Гау как раз сторонников Рот Фронта в разы больше, чем нацистов. И это не смотря на то, что в последнее время на улицах города крепкие парни подозрительной наружности стали попадаться гораздо чаще, чем хотелось бы. Понаехали! Казалось бы, граница с Польшей наглухо закрыта, побережье патрулируется, а они лезут и лезут!»

Граница Пруссии с Польшей – вообще отдельная история. После войны 20-го года Польша получила выход к морю западнее Данцига, тем самым не только прирезав кусок Западной Пруссии, но и отрезав оставшиеся под надзором России прусские земли от остальной Германии. Если до этого «Польским коридором» называли разрешённый для поляков проход через немецкие земли к Данцигу, то теперь так стали именовать новые польские владения, отделяющие прусский прибрежный анклав от остальных Германских земель. Полякам предоставлялась отличная возможность поквитаться со своим извечным врагом за прежние унижения. Запретить сообщение между частями Германии они (поляки) не могли: не позволял договор с Россией. А вот досматривать все грузы и запрещать транзитным пассажирам покидать вагоны на всём протяжении, пока поезд шёл по польской территории – это они вполне могли себе позволить.

Германию лихорадило. То в одном, то в другом месте левые, подстрекаемые Коминтерном, пытались захватить власть – и всякий раз неудачно. Побитые, из тех, что не были схвачены или убиты, частью рассеивались, а частью устремлялись в единственную германскую провинцию, где их товарищи пребывали у власти, придя к ней когда-то вполне законным путём. Полякам на соседские дразги было плевать, они неплохо наживались на транзите. Так продолжалось до тех пор, пока пограничный переход контролировали «спартаковские» отряды. Когда же бои разгорелись вблизи границы, поляки тут же транзитную ниточку (с одобрения России) перерезали, от греха подальше. Теперь сообщение между анклавом и метрополией осуществлялось частично по воздуху, а в основном по морю. Население Пруссии прирастало преимущественно за счёт оппозиционеров, что раз за разом обеспечивало Рот Фронту устойчивый перевес на выборах всех уровней. Российские заказы обеспечили анклав экономический рост, тогда как остальная Германия барахталась в кризисе. В Пруссию вслед за левыми потянулись и те немцы, что были далеки от политики, в основном квалифицированные рабочие, деятели культуры, инженеры, учёные. Властям Германии такое перераспределение людских ресурсов не нравилось. Они пеняли Польше – поляки разводили руками. Они пеняли России – русские разводили руками. Они пеняли Лиге Наций – весь мир разводил руками. Пруссия – часть Германии, отвечали немцам поляки, русские и Лига Наций. Миграция населения внутри страны – ваше внутреннее дело.

Немцы, и так на весь мир обиженные, стали обижаться на него ещё сильнее. Гитлер, придя к власти, пообещал нации обиду эту привести в исполнение. Начал новый канцлер с того, что вывел Германию за рамки Лиги Наций.

А затем Фюрер призвал Рёма.

– Скажи мне, Эрнст, – потребовал Гитлер, тыча пальцем в то место на карте Германии, где располагалась Пруссия, – кто здесь стоит во главе *Sturmabteilungen* (штурмовые отряды, СА)? Можешь не отвечать! – пресёк Гитлер попытку Рёма открыть рот. – Ибо мне неинтересно имя человека, бездарно провалившее важнейшее поручение партии! По его, и только по его вине, коммунисты чувствуют себя в Пруссии хозяевами положения, тогда как их место в концентрационных лагерях! Срочно найди замену этому неудачнику, Эрнст. Пусть тот, кто его сменит, немедленно отправляется в Пруссию. Пусть возьмёт с собой сотни, нет, тысячи проверенных бойцов! С режимом Тельмана должно быть покончено в самое ближайшее время! Ты меня понял, Эрнст?!

Главарь штурмовиков, чья красная рожа за время выволочки, которую устроил ему Гитлер, стала и вовсе цвета варёной свёклы, вскинул руку в нацистском приветствии и со всей дури рявкнул:

– *Jawohl, mein Führer!* (Что в русской транскрипции пишется как «Яволь, мой Фюрер!»)

Польские пограничники нервничали. Такого количества немцев призывного возраста на границе с «Польским коридором» не скапливалось даже во время повального бегства «спартаковцев» через транзит в Пруссию. Хотя, может, потому и не скапливалось, что транзит был открыт. Потом его (транзит) закрыли, и сделали это сами поляки. Теперь германское правительство требовало возобновления транзита. В Варшаве крутые политики чесали в затылке. С одной стороны, напрягать отношения с немцами ой как не хотелось. Да и англичане подуживали: да откройте вы им этот чёртов транзит! С другой стороны, Петроград ясно дал понять: возобновите транзит – про добрые отношения можете забыть! Бедная Польша, как всегда, оказалась меж двух огней. Возобладал здравый смысл. Дело даже не в том, что немцев поляки недолюбливали всё-таки чуточку больше, чем русских. С русскими помимо этого можно ещё и торговать, а с немцами какая нынче торговля? Транзит решили не открывать. Но чтобы подсластить немцам пилюлю, Варшава негласно намекнула Берлину: мы, мол, дадим указание пограничникам закрывать глаза на переход границы, не всем скопом, конечно, а человек по десять за ночь. Дальше пусть себе тихонько пробираются в Пруссию, не тревожа местное население.

Гитлер был взбешён: очередное унижение от поляков! Десять человек за ночь, это что же получается: около четырёх тысяч в год, что ли? Пусть столько же удастся переправить морем. Всё равно, восемь-девять тысяч бойцов в год, когда требуется не менее сорока тысяч, чтобы организовать хотя бы подобие сопротивления коммунистическому режиму. Ждать и копить силы ещё в течение пяти лет? Нет, нет и нет! Гитлер вызвал Коха.

– Эрих, мне нужна Пруссия. Нужна немедленно, сейчас же, максимум через год! Назначай тебя обер-президентом мятежной провинции, делай что хочешь, но Пруссию мне добудь!

Ну, раз уж мы с вами про это узнали, то мимо глаз и ушей союзной разведки (союзное – всё, что имеет отношение к СССР) такая информация тем более не могла проскочить. «Наши» поделились разведанными с немецкими товарищами в Пруссии. Теперь понимаете, почему Эрнст Тельман нервно расхаживал по кабинету в ожидании приезда Коха? Ничего хорошего от прибытия нацистского эмиссара, который, к тому же, пусть и формально, являлся начальником Тельмана, лидеру коммунистического анклава ждать не приходилось.

1934 ГОД

Германия. Свинемюнде

– Говорю тебе, Вильгельм, приезд Гитлера – это знак свыше.

Два офицера прогуливались вдоль берега моря в виду крепостных укреплений. Один – тот, что произнёс фразу о приезде Гитлера, – был одет в форму подполковника вермахта, другой был морским офицером в чине капитана-цур-зее (капитан 1 ранга) и являлся комендантом крепости Свинемюнде.

– Ах, Вальтер, – слабо улыбнулся моряк, – ты действительно полагаешь, что этот ефрейтор что-то смыслит в разведке?

– Я полагаю, что он ни черта не смыслит ни в разведке, ни ещё во множестве вещей, – рассмеялся Вальтер. – Но зато я знаю, – недаром я офицер абвера! – что Гитлеру позарез нужна Пруссия. Он и сюда-то едет только затем, чтобы быть ближе к предмету своих воздыханий. И если ты сумеешь предложить ему план, как приблизить осуществление его идеи фикс с помощью агентов абвера (Я считаю твои соображения по реорганизации нашей службы просто гениальными!), думаю, вскоре я буду трудиться уже под твоим началом!

– Ты действительно так думаешь? – спросил моряк.

Подполковник пожал плечами.

– Насчёт того, что ты сможешь вывести абвер на совершенно иной уровень – в этом я просто уверен. Что касается разговора с Гитлером... Скажу честно, Вильгельм, здесь моя уверенность колеблется в пределах фифти-фифти.

– Спасибо за откровенность! – поблагодарил моряк.

– Вы что, действительно думали, что это, – Гитлер потряс в воздухе листами бумаги, – может меня заинтересовать? Вы предлагаете провести реорганизацию абвера, и просите на это немалые деньги, и это, когда мы используем все средства, чтобы поднять Германию с колен? А что взамен? – Гитлер вышел из-за стола и встал перед вытянувшимся по стойке «смирно» комендантом. – Вы обещаете преподнести мне Пруссию, как вы выражаетесь, на блюде, только через два года? Отвечайте!

– Для того чтобы подрывная работа в тылу противника дала результат, требуется время, – ответил моряк.

– Вам требуется время и деньги! – с сарказмом в голосе вскричал Гитлер. – А вот Коху не требуется ни того ни другого, только люди. А людей у нас много! И сегодня, вы слышите, сегодня штурмовики Коха займут Данциг! А затем пройдут победным маршем по всей Пруссии! А вы с вашим предложением мне неинтересны. Убирайтесь! Прочь с глаз моих, Канарис!

Пруссия (подмандатная территория СФРР)

Сначала захватим Данциг, а потом очистим от коммунистической заразы всю Пруссию! Прямолинейно? – Да! Попахивает авантюрой? – Не без этого. Но кто сказал: неосуществимо? Тем более что, обвиняя нацистов в прямолинейности, мы, пусть самую малость, но погорячились. Некая хитрость в плане всё-таки присутствовала...

Второй день столица Пруссии Кёнигсберг охвачен беспорядками. В том, что это дело рук нацистов, сомнений не было. Российские военные, в полном соответствии с мандатом Лиги Наций, взяли под охрану наиболее значимые городские объекты, все места, где работали и проживали иностранные граждане, полностью перекрыли дорогу от Кёнигсберга к военно-мор-

ской базе Пилау. Но в местные разборки русские не лезли: в своих делах разбирайтесь, немцы, сами! Разберёмся, бодро рапортовал начальник прусской полиции. Вот подтянем резервы из других городов и разберёмся!

Истинный ариец, член НСДАП с 1930 года, штурмовик СА – «Ночь длинных ножей» была ещё впереди – Хорст Лемке, прячась за углом пакгауза на одной из железнодорожных станций Данцига, наблюдал за погрузкой специального полицейского подразделения. Когда двери вагонов закрылись, и машинист паровоза, дав свисток, тронул состав с места, Лемке докурил папиросу, затушил окурочек и направился в сторону станционного здания, где испросил разрешения сделать один телефонный звонок.

– Только недолго, – буркнул дежурный, пододвигая в сторону Лемке телефонный аппарат.

– Всего несколько слов, – заверил Лемке и не обманул. «Гвозди отгружены» – это всё, что он сказал в трубку.

Когда, примерно через полчаса (пока сообщение гуляло по инстанциям внутри Данцига, пока оно передавалось в Кёнигсберг...), про «отгруженные гвозди» доложили Коху, тот распорядился: «Пусть начинают!»

Существует множество способов захватить город. Самый продолжительный и нудный – это одержать победу на муниципальных выборах. Поэтому более нетерпеливые начинают с захвата мостов, почты и телеграфа. Штурмовики Коха решили начать с арсенала. Подъехали на четырёх грузовиках и потребовали впустить их на территорию особо охраняемого объекта. «Ребята, вы на экскурсию?» – спросил начальник караула, и, получив утвердительный ответ, велел открыть ворота.

Ну вот. Опять измена. Как это банально...

А начкар уже провёл «экскурсантов» в помещение, посреди которого громоздились длинные ящики, уложенные в штабеля.

«Можете осмотреть экспонаты», – предложил офицер. Штурмовики тут же стали открывать ящики и извлекать из них винтовки. Когда все вооружились, главарь штурмовиков поинтересовался: «А где патроны?» – «На соседнем складе», – ответил офицер. «Вы нас туда проводите?» – «Боюсь, что не получится, – покачал головой начкар. – На этом экскурсия окончена. Вам остаётся только положить экспонаты на место и сделать *hende hoch!* (руки вверх!)» – «Предатель!» – вскричал штурмовик и попытался замахнуться прикладом, но его остановил немигающий зрачок пистолета, который предупреждающе уставился на него из рук офицера, да лес ружейных стволов, который вырос за плечами начкара. А поскольку винтовки у солдат были заряжены (в отличие от тех, что находились в руках штурмовиков), то парням со свастикой на рукавах не оставалось ничего другого, как подчиниться и доиграть пьесу по чужому сценарию.

Пароход «Глория» уже который час болтался на внешнем рейде Данцига в ожидании лоцмана. Капитан, не покидавший всё это время рубку, находился в крайней степени раздражения. Настроение у капитана испортилось ещё в Штеттине, когда ему навязали принять на борт несколько сотен вооружённых штурмовиков. И хотя за то время, что Гитлер был у власти, капитан научился выкидывать руку в нацистском приветствии, в душе он одобрял далеко не все поступки «бесноватого». Вот и идея доставить в центр Данцига чуть ли не полк головорезов Рёма не вызвала у морского волка того восторга, который переполнял трюмы вверенного ему судна, где розовощёкие пассажиры всю дорогу горланили песни, подогревая свой патриотизм

изрядным количеством спиртного. А тут ещё их командир нервно маячил у него за спиной, то и дело заставляя связываться с портом на предмет прибытия лоцмана.

Когда лоцманский катер прибыл, но не один, а в сопровождении двух сторожевиков, у капитана возникло стойкое осознание того, что ближайшую ночь он вполне может провести не в своей каюте, а в тюремной камере. Дальше этого он даже боялся загадывать. То, что на мостик вместо лоцмана поднялся офицер-пограничник, лишь убедило капитана в том, что мыслит он в правильном направлении.

Капитан шагнул было навстречу прибывшему, но его опередил командир штурмовиков.

– Что всё это значит?! – прокричал он, обращаясь к офицеру. – По какому праву вы препятствуете заходу судна в порт? И где, чёрт возьми, лоцман?!

Офицер с невозмутимым видом дождался, пока мелкий фюрер утомонится, потом заговорил, обращаясь к шумливому штурмовику:

– Господин не знаю, как вас величать, если судно до сего времени не пустили в порт, значит, на то были весьма веские причины. Но и теперь, когда этих причин больше нет, прежде чем вы начнёте движение к входу на внутренний рейд Данцига, нам с вами предстоит утрясти ещё целый ряд формальностей, господин капитан должен всё это знать. Но... – в этом месте офицер сделал многозначительную паузу, потом продолжил: – Мы можем избежать всей этой утомительной процедуры, если вы соблаговолите выслушать следующее. Считаю своим долгом сообщить вам, господа, что не далее как сегодня днём группа молодчиков, одетых в такую же униформу как на вас, – офицер показал на штурмовика, – попыталась силой овладеть арсеналом. Скажу сразу: попытка провалилась. Мятежники арестованы. В настоящее время силы правопорядка вылавливают по городу остальных членов банды. Если вы, – офицер посмотрел на побледневшего штурмовика, – после услышанного не передумаете присоединиться к «веселью», то – милости просим! Мы дадим вам лоцмана, и он проведёт судно к причалу, где вас ждут усиленные наряды полиции. Прямо с судна вы пересядете в машины, которые отвезут вас за город, где для вас и ваших друзей оборудован концентрационный лагерь – всё, как вы любите. Но перед этим мы досмотрим судно и изымем всё имеющееся на борту оружие. Я всё сказал, господа, теперь слово за вами!

Капитан посмотрел на штурмовика и с удовлетворением отметил, что тот выглядит теперь, верно, не лучше его самого. Пауза длилась где-то около минуты, наконец штурмовик выдавил из себя, обращаясь к капитану:

– Мне нужна связь.

Капитан посмотрел на офицера, тот пожал плечами.

– Ничего не имею против.

– Проводите этого господина в каюту радиста, – распорядился капитан.

Когда через несколько минут штурмовик вновь оказался в рубке, бледности на его лице поубавилось, а вот расстройства, наоборот, прибавилось.

– Мы возвращаемся в Штеттин, – глядя в сторону, сказал штурмовик.

– Счастливого пути! – чуть насмешливо откозырял офицер и покинул рубку.

Германия. Свинемюнде

Гитлер сообщение о фиаско, постигшем Коха, выслушал на удивление спокойно. Немного помолчав, промолвил:

– Эрих не виноват, это всё Рём...

Потом фюрер вызвал к себе Канариса...

Петроград

– Первую битву у фашизма мы выиграли, выпьем за это!

Николай решительно двинул рюмку вперёд, Глеб и Ольга устремили свой хрусталь навстречу.

– Славная победа! – разливая по второй, заметил Глеб. – Может статься, на этот раз она будет решающей!

– Даже так? – удивилась Ольга, потом повернулась к Николаю: – Ёрш, теперь-то ты можешь рассказать, как там всё было?

Ежов, рот которого в этот момент закусывал, поспешно кивнул, и лишь протолкнув еду в желудок, заговорил, начав с ответа Глебу:

– Решающая, говоришь? Не знаю, не уверен... Впрочем, время покажет!

Потом он повернулся к Ольге.

– А вот насчёт того, что победа получилась славная, я с Васичем полностью солидарен! Затею с переворотом мы – под «мы» я подразумеваю и нашу разведку, и разведку наших немецких товарищей – просекли задолго до начала основных событий. К слову сказать, трудно такое не просечь! Фашисты пёрли в Пруссию и с суши и с моря. Мы достаточно активно этому проникновению препятствовали и своей активностью заставили наших врагов отжаться на самую настоящую авантюру. Кох с Рёмом ведь что удумали? За несколько дней до часа «Ч» штурмовики устраивают беспорядки в Кёнигсберге, а в Данциге в то же время тишь да гладь. Тем самым они хотели создать впечатление, что все их силы брошены на то, чтобы захватить столицу Пруссии. Власти, купившись на эту уловку, стягивают большую часть полицейских сил и отряды своих сторонников в Кёнигсберг. И тогда настаёт черёд выступить штурмовикам в Данциге. Там уже всё должно было произойти по-взрослому, никаких уличных беспорядков. Захват с помощью предателей из числа военных арсенала, вооружение огромного числа штурмовиков, основные силы которых сосредоточены не в Кёнигсберге, а как раз в Данциге, высадка прибывшего из Германии десанта: ап! и город в наших руках. Я имею в виду: в руках фашистов.

– А почему ты назвал это авантурой? – спросила Ольга. – Вполне жизнеспособный планчик...

– Ну да, – согласился Николай, – при условии, что мы бы про него ничего не знали и на их уловку купились. Но мы-то знали, потому и авантюра!

– Хорошо, – кивнула Ольга, – будь по-твоему. В конце концов, кто мне ближе: ты или фашисты? Лучше ответь: дальше-то что?

– С Пруссией? – уточнил Николай. – Думаю, всё будет в порядке. Дождёмся от фашистов очередной глупости и отделим Пруссию от Германии!

Как в воду глядел Ежов. Через месяц после неудачной попытки захватить власть в мятежной провинции с помощью штурмовиков, Гитлер подписал указ о смещении Тельмана с поста министра-президента Пруссии, назначив на этот пост Геринга, на что прусский парламент отреагировал моментально: Пруссия объявила о временном выходе из состава Германии. Лига Наций выразила по этому поводу единодушное сожаление (даже Россия не была против), признавать независимость Пруссии отказалась, но дальше слов не пошла, призвав немцев уладить свои внутренние дела за столом переговоров. Гитлер был в ярости, но что он мог поделать? О Drang nach Osten (Дранг нах Остен) в те дни он мог только мечтать...

1936 ГОД Петроград. Ольга

– Ты чего, мать?

Глебы, оба-два, смотрели на меня слегка недоумённо и чуть озабоченно. И в этом я их понимаю. Шла-шла, и встала посреди мостика. Чего встала? А ничего, Ёшкин каравай! Хочу и стою! Погода по питерским меркам хорошая: сверху не льёт, а наоборот, даже припекает. Под ногами гладь... Да нет! Какая, к чёрту, гладь? Под ногами мост, а вот под ним, можно сказать, гладь канала Грибоедова. А за каналом дом, откуда щурится на брызнувшее меж тучек солнышко свежевывытыми стёклами знакомая квартира. Так уж и свежевывытыми? И не сомневайтесь! Наташа Ежова такая аккуратистка. А уж по случаю праздника...

Смотрю на мужчин – своих мужчин. Тех, что нас охраняют, я уже привыкла, не в обиду ребятам будет сказано, не замечать. А моих – только слепой не заметит. Все встречные бабы, уверена, слегка окосели. И как за таких орлов хоть краешком глаза да не зацепиться? И красивые – даром, что похожи, – и военная форма им ой как к лицу. (На Глебе младшем – курсантская с лётными петлицами, на Глебе старшем – высшего комсостава с маршалскими звёздами). Улыбаются, черти. Поняли, что не хворь внезапная меня посреди мостика остановила, а блажь на бабу накатила, вот и радуются. И меня за компанию на улыбку пробило. Подхожу к ним и на полном серьёзе заявляю:

– Чего посреди дороги встали, аль притомились?

– Ах, так! – Глеб подморгнул сыну, они меня с двух сторон под руки подхватили, над мостовой приподняли и понесли напрямик к парадному.

Дверь отворила Ритка – младшенькая «ежиха». И целуется, и раздеваться помогает (больше, правда, под ногами путается), и тараторит – всё одновременно!

– Ой, тёточка Лёлочка, я в окошко видела, как вас дядя Глеб с Глебушкой через улицу несли – так здорово! А мама на кухне пироги печёт, а я ей помогаю!

Без неё бы не догадались: аромат на всю квартиру! Из кухни, по-хозяйски вытирая руки о фартук, показалась Наташа.

– Уймись, звонок! – не строго прикрикнула на Ритку, и стала с нами здороваться.

– Мужики что, в полном составе на вокзал укатили? – спросил Глеб после того, как укол усами Наташину щёку.

– Ну да, – ответила она, потирая потревоженное место, – всё одно на двух машинах ехать пришлось.

Тары-бары вокруг тары...

Курьерский из Москвы прибывал точно по расписанию. На перроне Московского вокзала четверо военных стояли особняком. Небольшая зона отчуждения образовалась вокруг них не из страха – из почтения. «Сам Ежов, – судачили в толпе, – с охраной!» – «Да нет, – отвечали им, – какая охрана? Это ж сыновья его. Видишь, на них форма курсантская?» – «А как же он, да без охраны?» – «А кого ему, чудака человек, в Питере опасаться? Тут за него любой горло перегрызёт!»

Обрывки пересудов долетали до Председателя комитета государственной безопасности СССР Николая Ежова, и ему – чёрт возьми! – было приятно такое слышать. И про сыновей – Наташка, умничка, родила ему тройню! – и про то, что не нужна для него в Питере охрана; хотя таковая была – куда ей деться? – разве что в глаза не бросалась.

«Вот ведь, год тот же, а Ежовы разные!» – усмехнулся маршал и шагнул к застывшему у перрона вагону.

Проводник споро протёр поручни и пригласил пассажиров на выход. Из «мягкого» люди выходили солидные, значимые. Все здоровались с Ежовым: кто раскланивался, кто козырял. Николай машинально брал под козырёк, и ждал, когда в дверях появятся те, ради кого он сюда и прибыл. Разумеется, место себе они выбрали в конце очереди. Первым в проёме встал его старинный друг Михаил Жехорский, Шеф, поседевший ещё тогда, в двадцатом, и с тех пор как-то и не изменившийся. Не успел Николай заключить друга в объятия, как на перрон выпорхнула Анна-Мария, дочка Макарыча, и повисла на шее. С улыбкой наблюдали за этой сценой и отец Машани, и сошедший на перрон адмирал Берсенов. А та, расцеловав «дядечку Колечку» в обе щёки, перепорхнула с криком «Привет, богатыри!» в сторону сыновей Ежова. Николай обнялся с шурином и спросил, заглядывая ему за плечо:

- А это, никак, Кирилл?
- Он самый, – улыбнулся Вадим.
- Ну, здравствуй, племянник!

Только и успел что обнять, как вихрем налетела Машаня и оттащила Кирилла в сторону сыновей.

- Знакомьтесь! – звенело над перроном – Это Кирька, а это Петька, Сашка и Николка!

Парни, снисходительно поглядывая на бестию с косичками, которую они с малолетства привыкли считать сестрёнкой, степенно здоровались с двоюродным братом.

- Как на Машу похожа, – сказал Николай, становясь рядом с Михаилом.

Тот лишь коротко кивнул, не сводя любящего взгляда с вертящейся возле парней дочки.

К машинам шли двумя группами. Впереди четверо парней с вещами в руках и крутящаяся подле них Машаня. Среди них разговор шёл молодой, задорный, но скорее пустяшный. Старшее поколение отставало шагов на десять. Говорили здесь негромко, о вещах серьёзных.

- Что там японцы? – спросил Ежов у Берсенева.
- Готовятся, – ответил адмирал.
- А мы что?
- Так и мы готовимся, – усмехнулся Берсенов, – второй авианосец заложили!

Николай кивнул. В Берсенева он не сомневался. Да и в курсе был, честно говоря. А вопросы задавал больше для разговору. Вот и теперь спросил о том, что ему было уже известно:

- Слышал, президент тебе полномочий добавил? Ты у нас теперь вроде как адмирал-губернатор?

– Только вчера всё случилось, а вы уже прозвище придумали? – от души рассмеялся Берсенов.

– Случилось вчера. А указ о твоём назначении помимо командующего флотом ещё и на пост Полномочного представителя Президента в Дальневосточной республике был заготовлен давно.

- И не без твоего участия? – посмотрел на маршала адмирал.
- Не без этого, – не стал скромничать Ежов. – Но больше Шеф постарался. Ну, так ему по штату положено.

Берсенов кивнул. О влиянии Жехорского на Президента ходили легенды. Теперь он (Жехорский) в беседе участия не принимал. Отстал, к разговору, казалось, не прислушивался, весь ушёл в себя.

– Не любит Шеф в Питер приезжать, – вздохнул Николай. – Говорит, что всё ему здесь о Маше напоминает.

- Что, с тех пор так ни с кем и не сошёлся? – полюбопытствовал Берсенов.
- Хреново ты его знаешь, – хмыкнул Николай. – Разве что год без бабы продержался. – И тут же поправился: – Но всё только здоровья для, каждый раз короткий роман, и в дом ни ногой!

– Ты и про это знаешь? – хитро прищурился Берсенев.
– Исключительно от него, – поторопился сказать Ежов. Кинул взгляд на хитрую физиономию шурина и решил слегка оскорбиться. – Ты что, думаешь, я другу в постель заглядываю?
– Что ты, что ты, – поспешил соскочить со скользкой темы Вадим.
– А вы, братцы, никак мои косточки перемываете? – раздалось за их спинами. Жехорский нагнал друзей и втиснулся между ними.
– Как ты мог такое про нас подумать? – деланно возмутился Ёрш.
– Потому что знаю вас, чертей, как облупленных, да и не оглох ещё, – усмехнулся Михаил. – Да вы не тушуйтесь, – последнее относилось исключительно к Берсеневу, который и вправду испытал некоторую неловкость, – вам в этом вопросе дозволено многое, если не сказать всё! А Питер я не разлюбил, просто бывать здесь для сердца тревожно...

После этих слов меж них троих в речах наступила пауза. Теперь они просто шли рядышком, улыбались отдельным долетавшим до ушей фразам щебечущей впереди молодёжи, пока таким порядком не дотопали до ожидавших их авто.

Разговор продолжился в машине. Молодёжь (все пятеро) набились в первое авто. Ежов, Жехорский и Берсенев устроились на заднем сидении служебного автомобиля Председателя КГБ, машина с охраной замкнула кортеж.

Ежов нажал на кнопку, и поднявшееся стекло наглухо разделило салон автомобиля.

– А Машаня уже совсем невеста, – сказал Николай. – Вот только характер тот же: всё такой же «звонок»!

– Неправда ваша, – возразил Михаил. – Дочь у меня повзрослела не только внешне, она стала намного серьёзнее. А сегодня, это так, детство вспомнила!

– Как она окончила школу? – спросил Николай. – Медаль всё-таки профукала?

– Профукала, – рассмеялся Михаил, – на это у неё серьёзности не хватило. Но аттестат всё равно очень приличный!

– Но Кирилл-то, надеюсь, медаль не упустил? – обратился Николай к шурину.

– Не упустил, – подтвердил Вадим, в голосе его слышалась гордость за сына.

– Не передумал, куда поступать будет? – продолжил допытываться Николай.

– Не передумал, – подтвердил намерения сына Вадим.

– Кстати, почему Петроград? – вмешался в разговор родственников Михаил. – В Москве я этот вопрос задать не успел, спрашиваю сейчас. Ведь во Владивостоке, я слышал, очень приличное военно-морское училище?

– Так он у нас в подводники собрался, – пояснил за шурина Николай, – а такой факультет есть пока только в Петрограде.

– Понятно... – протянул Михаил.

– Ещё нет, – сказал Николай. – Я имею в виду, не всё тебе понятно в причине, побудившей Вадима привезти сына в Петроград. Есть один немаленький нюанс, но об этом он тебе сейчас расскажет сам.

Михаил посмотрел на Вадима.

– Понимаешь, – начал тот, – в Москве у нас действительно не хватило времени об этом поговорить... В общем, Миша, я хочу, чтобы Кирилл принял участие в разговоре, который вы наметили провести с детьми. Ты ведь не будешь возражать?

Михаил перевёл взгляд на Николая.

– Если я правильно понимаю, моё слово последнее?

Ежов мимикой лица подтвердил его догадку.

– Я не возражаю! – поставил жирную точку Жехорский. Потом обратился к Николаю:

– Твои-то почему в курсантской форме?

– А ты разве забыл? – удивился Ежов. – Они ведь Старшую школу с военным уклоном закончили.

– Это я помню, экспериментальный класс и всё такое. Но разве на поступлении в училище это отражается?

– А ты что, думал, я для них особые правила изобрёл? – обиделся Ежов. – Нет, Шеф, здесь всё по чесноку. После школы, если аттестат подходящий, зачисление автоматом в любое военное училище. Дальше – отпуск до начала занятий. Но мои парни от отпуска отказались, и уже службу тянут. Потому им форму и выдали, авансом. А сегодня они в увольнении.

– Вон оно как... – протянул Жехорский.

– Да, вот так! – сказал Ежов и тут же сменил тему разговора.

– Ты Крупскую когда видел?

– Да буквально вчера, – ответил Жехорский, – соседка, как-никак, а что?

– Просто хотел узнать, как она...

– Тебе привет точно не передавала, – усмехнулся Жехорский. – А так, ничего, держится бодрячком.

(Ленин, после того, как истёк второй и последний дозволенный Конституцией срок пребывания на посту Президента СССР (т.е. после 1933 года), никаких государственных постов больше не занимал, потому что много болел и прожил ещё только два года. В прошлом году его похоронили в Петрограде на Волковом кладбище со всеми причитающимися бывшему президенту почестями. Крупская и до, и после смерти Ленина, работает в газете «Правда»).

– А вы знаете, – после небольшой паузы, сказал Михаил, – я об этом раньше не рассказывал, но перед смертью он меня позвал в Горки.

Ни Ежов, ни Берсенева, не уточнили кто это «он», и так было понятно.

– О многом не говорили, – продолжил Михаил, – он вообще уже говорил с трудом. Попросил только, чтобы я проследил за тем, чтобы его похоронили рядом с матерью. Я пообещал...

– И слово своё сдержал, – сказал Николай, – хотя и ТЕПЕРЬ нашлись желающие упечь Ильича в мавзолей.

– Да уж, – передёрнулся Жехорский от неприятных воспоминаний. – Хорошо, Надежда Константиновна меня поддержала. Ей самой после смерти мужа из Горок пришлось уехать. А мы как раз первую очередь «золотого» квартала сдали, ну и пробил я ей там квартиру. Так и стали соседями...

– «Золотого», говоришь? – улыбнулся Николай. – И кто такое название придумал?

– Ну, не я же, – вздохнул Михаил. – Народ. Он у нас, сам знаешь, языкастый.

– Это точно, – согласился Николай, – чего-чего, а этого у нашего народа не отнимешь... И как там? Шеф, расскажи!

– Ты же там был, – покосился Жехорский на друга.

– Только во время строительства, – быстро ответил Ежов.

– Пусть тебе твой шуринок расскажет, – кивнул Жехорский на Берсенева. – Он буквально вчера всем там восхищался, а у меня, верно, уже глаз замылился.

– Ну, давай, тогда рассказывай ты, – повернулся Ежов к Берсеневу.

– Я ведь в Москве редко бываю, – начал Берсенева, – да и то всё время проездом. Скажу честно: Питер мне ближе. Но в этот раз Москва меня удивила. Куда ни кинь взгляд – повсюду грандиозная стройка идёт! Где дома новые возводят, где в землю зарываются: метро строят. Это я всё из окна автомобиля видел, когда Миша меня в Кремль вёз.

– Ты его что, в аэропорту встречал? – посмотрел Николай на Михаила, и, не дожидаясь ответа, обратился к Берсеневу, правда, в шутовском тоне: – Ты это, брат, цени, сам Секретарь Государственного Совета СССР тебя у трапа встречал! Ведь у трапа, Шеф?

– У трапа, у трапа, – успокоил Жехорский Ежова. – И он, кстати, оценил это и без твоей подсазки: целый бочонок красной икры презентовал, не считая прочих подношений!

– Что, правда? – спросил Николай у Вадима. – Целый бочонок? А сюда-то икру везёшь, или всё на взятки пустил?

– И сюда везу, – улыбнулся Берсенов.

– Тогда, ладно, – успокоился Николай, – продолжай рассказ.

– Доехали мы до Красной площади, там Машаня и Кирия из авто вылезли. Машаня сказала, чтобы мы за них не беспокоились. Они, мол, побродят, а потом домой на метро доедут.

– А разве входы на правительственную ветку в городе не заблокированы? – обратился Ежов к Жехорскому.

– Разумеется, заблокированы, – ответил тот. – Но Машаня имела в виду обычное метро, ветка которого, как ты знаешь, идёт параллельно правительственной и только под Садовым кольцом уходит немного в сторону. В том месте как раз расположена станция, с которой есть переход на правительственную ветку, и при наличии пропуска...

– Точно! – хлопнул себя ладонью по лбу Николай. – Вот ведь, запомнил.

– В отличие от вас, – сказал Вадим, – я о том, что от Кремля к «золотому» кварталу идёт какая-то особая ветка метро, ничего не знал. Миша, после того, как аудиенция у Президента закончилась, повёз меня по верху. За что я ему благодарен, так было намного интереснее. Из Кремля мы выехали снова на Красную площадь, оттуда проехали на... на площадь...

– Манежную, – подсказал Николай.

– Точно, Манежную! От неё начинается широкая улица, Михаил сказал, что называется она Союзный проспект и проходит через место, где совсем недавно были старые арбатские переулки. О ней ничего доброго сказать не могу, кроме того, что там по обеим сторонам идёт строительство. А упирается эта улица в мост через Москву реку. За мостом начинается уже Кутузовский проспект и сразу справа от него находится «золотой» квартал. Притом жилая часть расположена по левую сторону реки, а деловая – по правую. Между собой их связывают несколько пешеходных мостов. Жилой квартал построен полностью, но заселён, насколько я могу судить, едва ли наполовину. В некоторых квартирах ещё идёт отделка, остальные пустуют в ожидании хозяев. Правильно я говорю? – обратился Вадим за поддержкой к Михаилу.

– Истину глаголешь! – подтвердил тот. – Ты же помнишь, – повернулся Жехорский к Ежову, – жильё в госквартале строится опережающими темпами. Твоя квартира, кстати, уже готова.

– Знаю, – кивнул Ежов. – Квартира готова, а в здании комитета ещё отделка идёт.

– К осени обещают закончить, – заметил Жехорский.

– Вот к Новому году и переедем, – заключил Ежов. – Ты, Миша, лучше скажи, что с питерской квартирой делать думаешь? За собой оставишь?

– Хотелось бы, – вздохнул Жехорский. – Только как это сделать? Квартира в Москве, квартира в Питере, жирновато получается...

– Так в Москве-то у тебя квартира служебная, – напомнил Николай.

– Так-то оно так, – согласился Михаил, – но всё одно пойдут ненужные разговоры. Тем более с жильём в Питере напряг. Может, Васич с Ольгой в ней пока поживут?

– Они к своей квартире привыкли, – возразил Николай, – Да и есть ли смысл переезжать с места на место, когда через пару лет им тоже в Москву перебираться?

– Парой лет тут не обойдётся, – сказал Михаил, – под «Пентагон» ещё даже фундамент не залили. Думаю, раньше 39 года не возведут, а то и в 40—м...

– А почему «Пентагон»? – спросил Берсенов.

– Ты же вроде в Вашингтоне был, – сказал Ежов. – Здание Министерства обороны США видел? Оно, если посмотреть сверху, имеет форму правильного пятиугольника. Так у нас будет построен двойник этого здания, и там и там над проектом трудился один архитектор.

– Постой... – нахмурил брови Берсенов. – Что-то я ничего подобного в Вашингтоне не припомню...

– И не удивительно, – усмехнулся Жехорский, – нет там такого здания!

– Как это нет? – удивился Ежов. Потом до него дошло. – Вот чёрт! – воскликнул он. – Получается, мы у американцев проект перехватили. Это теперь у них копия будет? Вот потеха!

– Если будет, – усомнился Жехорский. – Они, может, теперь другое здание захотят построить.

– Ну и хрен с ними! – отмахнулся Ежов. – Давай лучше про квартиру договорим. Может в неё Машаня заселится?

– Как это заселится? – не понял Жехорский. – Её же в МГУ зачислили?

– Переведётся в Питер, – пожал плечами Ежов.

– Ладно, – чуть раздражённо сказал Жехорский. – Сейчас пусть лучше Вадим рассказ продолжит, а с квартирой мы что-нибудь решим. На крайняк опять сделаем её конспиративной.

– А что? Это мысль! – согласился Николай и повернулся к шуруну. – Так что ты мне ещё не рассказал?

– Я хотел сказать насчёт архитектуры «золотого» квартала, – оживился примолкший было Берсенов. – Я в этом деле никакой не специалист, потому не сразу понял, что она мне напоминает. А как ты сказал, что над проектом трудились, в том числе, и американские архитекторы, до меня дошло: Америку и напоминает! У них там тоже высотные здания уступами друг к дружке поналеплены. Только в «золотом» квартале дома всё-таки пониже, и хотя построены теми же уступами, но напоминают не отвесные скалы, а океанскую волну, что, на мой взгляд, более красиво. Вдоль Кутузовского проспекта стоят самые низкие дома, хотя и в них, по-моему, не меньше десяти этажей. По краям квартала дома задираются этажей до двадцати – там располагаются гостиницы. От них к набережной снова идёт спад этажей до пятнадцати, а потом постепенный подъём к середине, где возвышается самое высокое здание, я в нём насчитал аж тридцать этажей, и это не считая шпиля наверху! Но главное даже не это. Главное то, что внутри квартала есть всё, что необходимо для нормальной жизни: и школы, и детские сады, и магазины, и спортплощадки, и...

– ... парикмахерские, – подсказал Николай.

– Да, и парикмахерские, – посмотрел на него Вадим. – Это разве плохо?

– Это просто замечательно! – улыбнулся Николай. – А как тебе глянулся комплекс государственных зданий?

– Так они ещё наполовину в строительных лесах, – пожал плечами Вадим. – Что там будет, можно только догадываться. А из того, что построено, впечатлил, конечно, Дворец Народов!

– А метро? – спросил Николай. – Впечатлило?

– Если ты про правительственную ветку, так я по ней не ездил, – ответил Вадим. – А если про малое кольцо, что проходит под «золотым» кварталом, то красиво конечно, на станциях, я имею в виду, вот только...

– Чего примолк? – спросил Николай.

– Да вот думаю, – ответил Вадим, – не лишнее ли это? Ведь там всё и так довольно близко, да и народ на работу предпочитает пешком через мосты идти.

– А тебе не пришло в голову, что это не столько метро, сколько бомбоубежища? – спросил Николай. – Надёжное укрытие для обитателей госквартала в случае возникновения угрозы нападения с воздуха?

– О таком я точно не подумал, – признался Берсенов. – Зато подумал о другом. А нельзя было «золотой» квартал построить рядом с Кремлём? Дешевле бы обошлось.

– Неверно мыслите, товарищ адмирал! – сказал Жехорский. – В центре города земля самая дорогая, так что дешевле бы точно не обошлось. Мы как рассудили. Исторический центр (всё, что находится в пределах Садового кольца) – место в Москве самое престижное, земля,

которая должна приносить доход. А какой доход от госучреждений? Вот мы их по максимуму их центра и выносим. Начали с органов власти, потом будем выселять за пределы Садового кольца прочую чиновничью братию, а там и до высших учебных заведений дело дойдёт!

– А что останется? – спросил Берсенева.

– Театры, музеи, магазины, рестораны, в конце концов! Чтобы было где москвичам и гостям столицы мошной тряхануть!

– Гостиницы, – подсказал Ежов.

– Да, и гостиницы! – кивнул Жехорский. – А ещё будем предлагать предприимчивым людям строить в центре Москвы деловые зоны. Любой уважающий себя бизнесмен захочет снять там офис!

– Ну, хорошо, – хитро прищурился Берсенева, – коли вы такие умные, зачем резиденцию Президента в Кремле оставили, да ещё дорогостоящую ветку метро туда протянули?

– Нет, он точно не догоняет! – пожаловался Жехорский Ежову. – Вадим, голубчик, Кремль – это не просто средневековая крепость. Кремль – это памятник, имеющий громадную историческую ценность. Более того – один из символов государства Российского! И государство просто не вправе оставить этот символ без особого присмотра.

– Можешь не продолжать, – рассмеялся Вадим. – Я понял: Президент у вас ещё и сторожем подрабатывает, верно, на полставки?

– Опасно шутите, товарищ, – заметил Ежов. – Хотя, если копнуть совсем глубоко, доля истины в твоём ха-ха есть...

В квартире на канале Грибоедова, за богато накрытым праздничным столом, собрались все участники Большого Сбора, как окрестил событие Николай Ежов. Во главе стола, на правах хозяйки, сидела Наташа Ежова. По левую руку от неё примостился Николай Ежов-старший, дальше расположились: Вадим Берсенева, Ольга и Глеб Абрамовы, замыкал «старшую группу» Михаил Жехорский. «Младшая группа» была представлена (слева направо) Александром Ежовым, Анной-Марией Жехорской, Глебом Абрамовым-младшим, Петром Ежовым, Кириллом Берсеневым, Маргаритой Ежовой и Николаем Ежовым-младшим. Такая посадка за столом – старшие напротив младших – была совсем не случайна, только младшие об этом пока не догадывались: посадили и посадили! Пили нынче мало. Курсантам, при наличии за столом старших командиров, спиртного не предлагали, остальным «мелким» и подавно. Молодёжь, впрочем, огорчена не была. Им и так было весело. А вот старшие были чем-то явно озабочены. Со значением переглядывались, говорили мало, больше слушали беззаботный трёп молодёжи.

Когда было покончено с гусем, что был на горячее, женская половина стала накрывать к чаю, а мужчины удалились на перекур. Когда все вновь собрались за столом, Михаил Жехорский постучал чайной ложечкой по хрусталу.

– Молодёжь, прошу внимания!

«Молодёжь», кто с пирожным во рту, кто в руке, дружно на него уставились.

– Как вы, ребята, относитесь к мечте? – Вопрос был вроде простой, но Жехорский отчего-то заметно волновался.

У молодого же поколения его слова вызвали одни улыбки. «Барахло вопрос!» читалось в их смеющихся глазах. На правах старшего среди младших, общий ответ озвучил Глеб Абрамов-младший:

– Положительно, дядя Миша!

– Ну и славно! – Жехорский облегчённо выдохнул. – Тогда давайте попробуем перенестись лет, скажем, на девяносто вперёд!

– Папка, легко! – воскликнула Машаня. – Вижу счастливые лица людей везде, в любом уголке Земли!..

– А почему только Земли? – перебил её Кирилл.

– Верно, Кирька, – улыбнулась Машаня. – Мы же к тому времени уже освоим Солнечную систему? Так что счастливы люди будут и на Марсе, и на Венере, и везде—везде, куда ступит нога человека!

– А с чего им быть такими счастливыми? – спросил Ежов-старший.

– Как с чего, дядечка Колечка? – прижала к груди руки Машаня. – Ведь будет к тому времени построено государство справедливости и добра! Весь мир встанет под эти знамёна, разве нет?

Заметив, что взрослые отчего-то потупили глаза, Машаня растерялась.

– Разве я что-то не то сказала?

Её смятение передалось остальным ребятам. Их глаза требовали от взрослых ответа.

Первой не выдержала Ольга.

– Ёшкин каравай! Не к столу будет сказано. Ну чего ты, Мишка, язык-то проглотил? – Потом обратилась к Машане: – Всё ты, дочка, верно сказала. Если по мечте – то верно!

– А если по жизни, – собрался, наконец, с мыслями и перехватил слово Жехорский, – то всё может сложиться несколько иначе...

– Как это? – нахмурил брови Пётр Ежов.

– Ну, например, может оказаться, что ваши родители не совсем те, за кого себя выдают...

От этих слов, сказанных на полном серьёзе, у Риты округлились глаза, да и остальные ребята пришли в явное смятение.

– Ну, ты, Макарыч, куда-то не туда заехал! – покачал головой Абрамов-старший. – Ребята, спокуха! Не враги мы и не шпионы. Просто мы когда-то попали сюда из другого времени.

Бодрости это сообщение ребятам не прибавило, а Кирилл так и впился глазами в отца. Берсенев лишь отрицательно покачал головой, и юноша облегчённо выдохнул.

Ольга меж тем горестно вздохнула:

– Всё это правда, ребятки. Так уж получилось, и ничего с этим не поделаешь. Вы давайте-ка успокаивайтесь. Ешьте пирожные, запивайте чаем и слушайте дядю Мишу. Он сейчас соберётся с мыслями и всё вам разъяснит!

Начало рассказа, как и предисловие, получилось немного путанным, но потом Михаил и в самом деле собрался, и дело пошло на лад. По мере того, как он говорил, испуг у ребят стал проходить, на лицах появилась заинтересованность. Потом с их стороны посыпались уточняющие вопросы, и дело окончательно наладилось. Закончил Жехорский словами:

– А затем на свет стали появляться вы, и пошла общая – наша с вами – история!

– Как думаете, поверили? – Жехорский адресовал вопрос трём своим друзьям с огромными звёздами на погонах.

– На сто процентов точно нет! – уверенно ответил Абрамов.

– Разве что Ритка, – улыбнулся Ежов, и поспешил пояснить: – Она ведь ещё несмышлёныш, в любую сказку поверит.

– А мне показалось, Машаня тоже поверила, – вставил слово Берсенев. – И скорее не умом, сердцем. – Поймав благодарный взгляд Жехорского, слегка смутился и поспешил продолжить: – А вот мой Кирька если и поверил, то процентов на восемьдесят, не больше!

– А курсанты и того меньше, – подхватил Абрамов. – Да и не может быть иначе, чтобы будущие командиры сразу поверили в подобную лабуду!

– А мы с вами на большее рассчитывали? – спросил Жехорский, и сам же ответил: – Нет! Значит, будем считать, что введение птенцов в курс дела прошло успешно. До стопроцентного результата будем доводить с любовью и не спеша.

Абрамов посмотрел на него чуть насмешливо.

– А я смотрю, ты не утратил способности толкать очевидное с видом первооткрывателя? Жехорский пожал плечами:

– Талант ведь не пропьёшь...

– Особенно если ты и не сильно пьющий, – добавил Ежов.

Берсенева слушал эту дружескую перепалку, и понимал, что эти трое никогда не станут для него абсолютно своими. При всём к ним любви и уважении, он всегда будет чувствовать дистанцию длиной в сто лет.

– Ну, пошли, что ли? – сказал Абрамов. – За окном смеркается, значит, пришла пора начать вечер вопросов и ответов, аудитория, думаю, заждаётся. Кончай перекур!

На кухне Наташа и Ольга судачили, понятно, о том же.

– Ой, не знаю, – качала головой Наташа. – Я до того была не согласна и сейчас не уверена: надо ли было выливать на ребятишек ушат вашей информации? Вон они, бедненькие, сбились в кучу в гостиной, и разговаривать-то громко бояться, шепчутся всё.

– Да не преувеличивай ты! – чуть раздражённо возражала Ольга. – Чего им бояться? Но и орать повода тоже нет, вот и разговаривают обычным тоном, а не шепчутся вовсе.

– Ну, ну, – усмехнулась Наташа. – Может я, конечно, и дура, как ты думаешь...

– Да ничего я такого про тебя не думаю! – запротестовала Ольга.

– Думаешь, думаешь, – стояла на своём Наташа. – Скажу больше, может, ты в этом и права. Я ведь простая баба – это ты у нас генерал! – и мозги у меня куриные, пусть так! Но только этой ночью спать Ершу на диване, помяни моё слово!

– Чё ж так сурово-то? – с неодобрением спросила Ольга.

– Сурово? – не поняла Наташа. Потом до неё дошло, и она звонко рассмеялась. – Да нет. Ты думаешь, я его от своего тела отлучу? Какая ерунда! Я, чтоб ты знала, до этого дела вполне охоча. Но только прибежит ночью Ритка, и в постель заберётся шептаться, какие уж тут печки-лавочки?

– Ладно, ваши дела! – махнула рукой Ольга. – Но ты ведь понимаешь, что разговор сегодняшний был неизбежен. Парни наши уже курсанты, пора им правду про родителей узнать!

– Так и надо было курсантам по ушам вашей правдой елозить! – вскипела Наташа. – А дочек можно было и пожалеть. А уж Кирилла вы совсем зря приплели!

– Об этом попросил его отец, – сухо пояснила Ольга, – твой, кстати, брат родной.

Наташа хотела что-то возразить, потом передумала, подошла к Ольге, под села, обняла за плечи.

– Дуры мы с тобой обе, как есть, дуры! Дело-то уже сделано, а мы собачимся. Знаешь что, подруга? Давай-ка тяпнем наливочки, пока вечерний раут не объявили?

– А давай! – улыбнулась Ольга. – Тяпнем и споем что-нибудь душевное!

– А это не перебор? – усомнилась Наташа.

– А мы вполголоса...

Молодое поколение делилось впечатлениями от услышанного.

– Ой, – пищала Рита, – я теперь в верхнюю комнату заходить побоюсь.

– Так тебя, пискля, в отцовский кабинет и так-то не сильно приглашали, – резонно заметил Пётр.

– Но я всегда так любила там бывать, – вздохнула Рита. – А теперь мне будет страшно даже по лестнице подниматься... И папа...

– Что папа? – спросил Александр.

– Не знаю... Мальчики, мне кажется, я его тоже буду бояться...

– Нашим отцом надо гордиться! – наставительно произнёс Николай.

– А я и горжусь, – снова вздохнула Рита. – Но бояться всё равно буду. Я его и раньше немного побаивалась, а теперь...

– Это ты из-за того что он попаданец? – уточнил Кирилл.

Рита кивнула, а Анна-Мария зябко передёрнула плечами.

– Слово-то какое неприятное: «попаданец»...

– А по мне так ничего, – храбро сказал Пётр. – Тем более что они сами так себя называли. Хотя, – он хитро посмотрел на девочку, – я тебя понимаю. Попаданка звучит очень некрасиво.

– Ты за словами-то следи, – с нажимом произнёс Глеб.

Пётр стушевался:

– Извини, не подумал...

– Так думай в другой раз, – воспользовался случаем и отвесил брату лёгкий подзатыльник Александр.

Пётр стерпел, только глазами зыркнул.

Кирилл воспользовался образовавшейся паузой и продолжил:

– А ты, Ритуль, когда будешь отца бояться, думай не о том, что он ОТТУДА, а о том, что ты тоже наполовину ОТТУДА.

Все уставились на Кирилла.

– А ведь Кира прав, ребята! – воскликнул Глеб, – мы все тут наполовину попаданцы.

– Ну, ты то, положим, больше чем наполовину, – заметил Пётр.

– Меня прошу к этому не причислять, – заявил Кирилл, но его не слушали. Осознание этой, казалось бы, простой истины, подействовало на ребят как антидепрессант. Их заметно отпустило, и даже на Ритином лице появилась робкая улыбка.

– Не дрейф, ребя! – воскликнул Глеб. – Прорвёмся! Вот только... – он нарочито подчеркнуто посмотрел на Кирилла, – что с чужаком делать будем?

– Кончать жалко, – как бы рассуждая, произнёс Николай, – брат, какой-никакой. Может, ограничимся тем, что клятву с него возьмём?

– Кровью! – добавил Пётр.

– Ненормальные! – воскликнула Анна-Мария, обнимая испугавшуюся начавшихся разборок Риту. – Не бойся, они ведь шутят. Дураки!

Парни опомнились и наперебой стали успокаивать Риту:

– Да шутим мы!

– Не бойся, малая, никто Киру не обидит!

– Никакой крови, да и клятв никаких не будет! Кира же свой. Мы просто пошутили, и, кажется, глупо...

– Кажется им! – сверкнула глазами Анна-Мария. – А мне вот ничего не кажется: дураки вы и есть дураки!

– Ладно, хватит нас костерить! – Глеб присел на корточки и заглянул в Ритины глаза. – Ты ведь уже успокоилась, правда?

Рита кивнула и улыбнулась.

– Вот и ладушки! – Глеб распрямился и чуть насмешливо спросил у Анны-Марии:

– А ты, защитница слабых и угнетённых, поведай лучше, что тебя в рассказе отца удивило больше всего?

– Да всё! – выпалила девушка, потом призадумалась. – Хотя, нет. Больше всего меня удивило, наверное, то, что существует другой мир, параллельный нашему, где всё прошло не так хорошо, как будет у нас.

– Нет, – сказал Кирилл.

– Что нет? – повернулся к нему Глеб.

– Нет никакого другого мира. Это вашим родителям так хочется думать, что он остался и существует параллельно с нашим. А мир один, тот, в котором живём мы, и будущее есть только у него, совсем не то, что было ТОГДА.

Все примолкли. Потом Глеб сказал, обращаясь к Кириллу:

– Я, пожалуй, с тобой соглашусь. Только ты, пожалуйста, при наших родителях такого не брякни.

– И ни при ком другом, – добавила Анна-Мария.

– Ну, это само собой, – кивнул Глеб. – Всех, кстати, касается!

В комнату вернулись мужчины.

– Ну что, молодёжь! – потирая руки, весело воскликнул Николай-старший. – Как насчёт того, чтобы попробовать себя в роли журналистов? Мы готовы дать интервью!

– Легко! – дерзко ответила за всех Машаня.

– Тогда зовите с кухни мам, и приступим!

– Какое интервью? – возмутилась Наташа. – А ужинать?

– А мы, – Николай приобнял жену за плечи, – совместим приятное с полезным: интервью будем давать во время ужина. Кто «за»? – обратился он к аудитории. Потом повернулся к Наталье: – Вот видишь, лес рук! – Та только головой покачала.

В жизни адмирала Берсенева это был если не самый весёлый, то самый необычный ужин. Он, хотя вопросов не задавал, но ответы выслушивал со всем вниманием. И узнал, признаться, много для себя нового. Сначала интервьюеров интересовали ответы на вопросы «почему?». «Почему в той жизни всё пошло не так?» Вопрос тут же попросили изменить с «не так» на «по-другому» Потом последовали: «Почему пришло в упадок сельское хозяйство?», «Почему развалился Советский Союз?» и даже «Почему вы так и не долетели до Марса?» И ещё много разных «почему?», на которые Михаил, Глеб, Николай и Ольга отвечали то серьёзно, то шуточно. Когда пошли вопросы типа «кто?», Ольга объявила о своём выходе из игры и пересела ближе к Наташе. Самым непростым оказался вопрос «Кто вас сюда переправил?». Ответили честно: не знаем. Но в то, что это случайность, не верим: нас выбрали осознанно. Замешан ли в этом Бог? А бог его знает! Но какая-то разумная сила во Вселенной есть, точно! Наконец, пришёл черёд самого неудобного за вечер вопроса, и задал его Глеб-младший:

– Вы часто упоминаете Львова-Кравченко. Что с ним стало?

Отвечать досталось Михаилу, и он впервые за вечер солгал, сказал: «Не знаю».

А что он ещё мог ответить, если информация хранилась под грифом «Совершенно секретно!»?

Барон Пётр Евгеньевич Остенфальк для шведского истеблишмента был фигурой заметной. Ему завидовали, им восхищались, о нём поговаривали... Поговаривали, что до революции в России Пётр Евгеньевич носил другую фамилию, и был особой, приближённой к импера-

тору Николаю II. Поговаривали, что ещё тогда ему удалось сорвать в оранжерее барона Остенфалька самый прекрасный цветок – проще говоря, он женился на его старшей дочери. Поговаривали, что именно Пётр Евгеньевич организовал побег царской семьи из революционной России. Побег, который наделал столько шума, и который, несомненно, был бы удачен, кабы не проклятая германская мина. Поговаривали, что это Пётр Евгеньевич спас из воды русскую принцессу Анастасию, после чего она некоторое время жила в особняке Остенфальков в пригороде Стокгольма. Поговаривали, что именно за этот подвиг Пётр Евгеньевич был удостоен не только шведского гражданства, но и ордена, и титула барона. Поговаривали, что новоиспечённому барону удалось вывезти из России не только семью, но и большую часть состояния, которое он уже в Швеции, соединив с приданым жены, вложил настолько удачно, что теперь может не думать о деньгах.

Так поговаривали, и, надо сказать, поговаривали не безосновательно. Аверс с профилем Петра Евгеньевича и надписью «Барон Пётр Остенфальк» под ним сиял настолько ослепительно, что никому и в голову не приходило взглянуть на обратную сторону медали, где под тем же профилем было написано по-русски «Пётр Евгеньевич Львов, глава Европейского бюро Первого главного управления КГБ, генерал-лейтенант»...

1937 ГОД

Над всей Испанией безоблачное небо Жехорский

Июль в столице – время года, когда под подошвами сандалий чуть проминается размягший от жары асфальт. Потому вдвойне приятно после трудов праведных переоблачиться из официальных в летне-партикулярные одежды, присесть на скамье под зелёными кронами деревьев, не очень-то и вслушиваясь в их шелестящий шёпот, подставив лицо нагоняемой лёгким ветерком со старинного московского пруда прохладе.

Машаня убежала за мороженым и вернётся, думаю, не скоро: очередь за лакомством всяко не маленькая. Есть время поразмышлять на темы, с которых на службе мысли просто соскальзывают...

В оставленной нами реальности цифры в сочетании 1937 были нарицательными, зловещим напоминанием о чудовищных репрессиях, накрывших кровавой пленой всю территорию Советского Союза. Живя в другой реальности уже более двадцати лет, сперва в Петрограде, а теперь здесь, в Москве, столице Социалистического Союза, я взял за правило вглядываться в лица людей: из окна ли служебного автомобиля, во время многочисленных встреч, или просто по ходу столь любимых мной пеших прогулок. Они, эти лица, были часто радостными, иногда печальными, изредка раздражёнными, но крайне редко испуганными. Отсутствие в людях страха перед властью я считаю, пожалуй, нашим главным достижением, и друзья, кажется, в этом со мной солидарны. А вот по поводу другого резонансного для той реальности события, которое случилось как раз в июле, правда, прошлого 1936 года, мы к общему мнению так прийти и не можем. Ёрш твёрдо заявляет: было! Васич – подозреваю, что всё-таки, скорее, из чувства противоречия – не менее твёрдо говорит: не было! Я сомневаюсь. О чём речь? Да о фразе «Над всей Испанией безоблачное небо». Сорвалась она 18 июля 1936 года с антенны одной из радиостанций, расположенной в испанской Северной Африке, или это таки журналистская придумка? Но интересно даже не это. При своём мнении остаётся каждый из нашей тройки и о причине, почему эта фраза точно не прозвучала в нашей реальности. Почему в Испании не случилось гражданской войны? Почему ныне здравствующий генерал Франсиско Франко так и не стал генералиссимусом, диктатором и не получил титул «каудильо»? На эти и другие «почему» у меня и двух моих друзей – Ольга по обыкновению голову «подобной ерундой» не забивает – есть собственное мнение, хотя местами и схожее с мнением других.

Чтобы хоть как-то разобраться в этом вопросе предлагаю, дорогой читатель, организовать виртуальный круглый стол, да хоть прямо здесь, на этой, к слову сказать, совсем не круглой скамейке. Представьте себе, что по правую руку от меня сидит начальник Генерального штаба маршал Социалистического Союза Абрамов, а по левую – председатель КГБ СССР, опять же маршал Ежов.

Виртуальный Абрамов. «А здесь и правда хорошо, не то что у меня в кабинете. Молодец Макарыч, что нас сюда вызвал, как считаешь, Ёрш?»

Виртуальный Ежов. «Кто бы спорил, Шеф у нас голова!»

Кончай базар! Вы всё-таки не мои друзья, а лишь их воображаемые – кстати, мной воображаемые! – виртуальные копии. Потому извольте высказываться строго по заданной теме!

Виртуальный Ежов. «Как скажешь, Шеф. Одна просьбочка: первое слово – твоё».

Принимается! Итак! Что стало одной из главных причин, приведших к Гражданской войне в Испании из той реальности? Мировой экономический кризис или Великая депрессия касательно Соединённых Штатов. Когда доброму самаритянину перестает хватать средств

на сносное существование, то привычные ценности – а в Испании это королевская власть и католическая вера – перестают для него быть столь уж ценными, уж простите за тавтологию! В итоге король отправляется в изгнание, а симпатии его бывших подданных примерно в равной пропорции переходят к левому «Народному фронту», объединившему коммунистов, социалистов и прочую левую братию, и «Испанской Фаланге», объединившей вокруг себя все правые силы. При отсутствии между непримиримыми противниками надёжной прослойки в виде сильного центра, столкновение сторон было неизбежно, что и случилось после победы Народного фронта на парламентских выборах в феврале 1936 года. Далее «Безоблачное небо», гражданская война, разрушенные города, тысячи погибших и фашистская диктатура на несколько десятилетий.

«А тебе не кажется, Шеф, что это довольно вольная трактовка тех событий?» – ехидно поинтересовался виртуальный Ежов.

А хоть бы и так! – Не знаю, видел ли кто, как сидящий на скамейке мужчина без видимых причин пожал плечами? – Моя воля, как хочу, так и трактую! Тем более что это всего лишь пояснение к основному вопросу. Так что произошло в нашей реальности? После того как король Альфонсо XIII отправился-таки в изгнание, страна на какое-то время погрузилась в политический хаос, схожий с тем, что был в той реальности. Но лишь схожий. И возникшее отличие я с полной ответственностью готов списать на счет Союза Суверенных Социалистических Республик. Грамотная экономическая политика позволила нашей стране не только самой избежать серьёзного экономического кризиса, но и отчасти сдержать его развитие в остальном мире. Коснулось это и Испании. Помимо экономической, есть ещё и политическая составляющая того, что события в Испании не пошли по тому кровавому сценарию. Российские эсеры и социал-демократы в настоящий момент имеют значительный вес в Социнтерне. Неоднократно встречаясь в Лондоне, где расположена штаб-квартира Социнтерна, с товарищами из Испании, они, во-первых, предостерегали их от политического союза с коммунистами, которые находятся под влиянием Коминтерна, во-вторых, настоятельно советовали подумать о конституционной монархии, что для Испании, вполне возможно, является благом. В итоге на выборы 1936 года социалисты пошли отдельным списком, отказавшись войти в Народный фронт, заняли, правда, лишь четвёртое место, уступив второе и третье места тому же Народному фронту и Фаланге. Но вместе с победившей центристской партией «Возрождение Испании» образовали устойчивое парламентское большинство, что позволило начать ряд важных реформ и, в частности, внести изменение в Конституцию Испании, установившее в стране конституционную монархию. Король Альфонсо XIII возвратился в страну и в настоящее время политическая обстановка в Испании достаточно стабильна, чтобы опасаться возникновения гражданской войны.

У вас, мои виртуальные друзья, есть что добавить?

Виртуальный Абрамов. Так точно! Я, видя, как пыхтел Макарыч над экономической составляющей, этого момента вообще касаться не буду. А вот о роли союзных вооружённых сил в предотвращении возможного вооружённого конфликта на Пиренейском полуострове сказать обязан! Макарыч об этом умолчал, но реальная угроза правого мятежа – специально не употребляю слово «фашистского» – была. Но хорошо сработала наша внешняя разведка, и мы были наготове. Была допущена «утечка» в мировые СМИ и в ряде влиятельных газет появились статьи о правом заговоре в вооружённых силах, расквартированных в испанской Северной Африке. Извини, Ёрш, что влез в твою епархию, но для понимания эта ремарка необходима. Кстати, одна из статей была подписана «Эрнест Хемингуэй». Впрочем, этим вклад писателя в копилку испанской демократии и ограничился и один из своих лучших романов он так и не написал. Статьи всколыхнули мировую общественность, которая растолкала мирно дремавшую Лигу Наций. Была принята резолюция, в которой оговаривались превентивные меры, препятствующие распространению военного пожара – если он таки вспыхнет

в Африке – на континентальную Испанию. Были назначены страны-гаранты исполнения резолюции: Англия, Франция и СССР. Мы тут же договорились с Англией и Францией о совместных действиях на такой пожарный случай. Во-первых, плотно запечатали Гибралтарский пролив, чтобы возможные мятежники не смогли попасть в Испанию из Северной Африки морским путём. Во-вторых, Германия, Италия и Португалия были негласно предупреждены о жёстком пресечении любых попыток вмешаться в вооружённый конфликт в Испании, если таковой возникнет. Может, потому генерал Франко так и остался сидеть в Северной Африке, оставив мечты стать каудильо и генералиссимусом, если таковые, конечно, у него в нашей реальности возникли. А вот левых чутко потрепали, свои же, но об этом лучше меня расскажет Ёрш.

Виртуальный Ежов. После того как наша коммунистическая партия окончательно поставила идею мировой революции на тормоза, Коминтерн, имеющий по этому вопросу противоположное мнение, стал, по этой и ряду других причин, организацией, присутствие которой на территории СССР было нежелательно. Гнать их напрямую никто не гнал, но намёки пошли. Сочли товарищи за благо перебраться в Швецию. Там тоже надолго не прижились и обосновались в Швейцарии. Потом... короче сменили ещё не одну страну, что позволило Иосифу – Сталин у нас известный шутник! – бросить фразу: «Бродит по Европе призрак Коминтерна!». Призрак-то призрак, а в Испании они отчебучили такое, что вполне могло привести если не к полноценной гражданской войне, то к нехилому мятежу наверное. Собственно на мятеж они испанских товарищей и подбили. Задурили головы испанским коммунистам, у которых были хорошие позиции в некоторых армейских частях, в том числе и на кораблях военно-морского флота. И те ведь практически подготовились к восстанию. Осталось дожидаться сигнала, которым должен был послужить арест короля. Помните, Шеф упоминал о его возвращении в Испанию? Так вот, вернуться Альфонсо XIII должен был на испанском крейсере, который отправили за ним в Италию, где король горевал в изгнании, вглядываясь с надеждой в туманную даль.

Мы обо всём этом знали. И понимали, что толку с того мятежа не будет, одно кровопролитие. А как помешать? Пробовали осторожно отговорить испанских коммунистов. Не получилось. Пришлось проводить спецоперацию, возглавил которую лично барон Пётр Остенфальк, он же глава Европейского бюро Первого главного управления КГБ, генерал-лейтенант Львов Пётр Евгеньевич...

20 мая 1936 года у парадного подъезда лучшего в Генуе отеля остановился автомобиль. Шофёр бойко покинул место водителя, обежал машину и почтительно распахнул заднюю дверь авто. Покинувший салон джентльмен находился в той прекрасной мужеской поре, когда в тебе никто не заподозрит в равной степени ни юношу, ни старика. А разброс этот, как сами понимаете, составляет лет тридцать, а для иных и поболее. Дорогой, сшитый явно на заказ, костюм-тройка ладно облегал спортивную, выше среднего роста фигуру, что позволяло сделать минимум три вывода: джентльмен не лишиён вкуса, джентльмен не стеснён в средствах и, наконец, джентльмен тщательно следит за своей фигурой. А намёк на то, что пред нами, скорее всего, аристократ, мы сделали тогда, когда называли его джентльменом. Хорошо уложенные с пробором посредине волосы тяжело отливали серебром. Добавьте сюда суровые черты лица и скорректируется возраст: джентльмен не вчера перешагнул через сорокалетие. Я бы ещё с удовольствием взглянул на его шляпу, трость и перчатки, – ну куда в то время без них? – но суровый господин посчитал, что несколько метров до дверей отеля преодолет и так, потому, по-видимому, – почём мне знать точно? – оставил эти атрибуты респектабельности в автомобиле.

Суровый господин меж тем, небрежно кивнув почтительно распахнувшейся двери швейцару, прошёл в холл отеля и остановился на видном месте, явно рассчитывая, что так его

скорее заметят. Что практически сразу и случилось. Из дальнего конца холла к нему уже спешил средних лет мужчина в офицерском мундире. С вежливой улыбкой он протянул руку.

– Рад вас приветствовать, барон. Как добрались?

– Благодарю, граф, вполне благополучно, – пожимая предложенную ладонь, ответил барон Остенфальк.

– Его величество ждёт вас. Прошу следовать за мной.

Недавно восстановленный во власти, правда, с весьма урезанными правами, король Испании Альфонсо XIII для беседы с бароном облачился в гражданские одежды, по стилю схожие с костюмом самого Остенфалька.

... – Приложенные к посланию рекомендации нашего брата, короля Швеции Густава V, подвинули нас к его внимательному изучению, – говорил король почтительно слушающему его барону. – Наша служба безопасности получила косвенное подтверждение того, что изложенные в послании опасения небезосновательны. В послании также говорится о некоем разработанном вами плане по обеспечению нашей безопасности. Мы готовы вас выслушать.

– Для начала я бы просил изложить свой план начальника вашей службы безопасности, ваше величество, который – я имею в виду план – он наверняка подготовил. Возможно, после этого необходимость в нашем предложении отпадёт.

Присутствующий при беседе граф посмотрел на короля, тот кивнул.

– Из вашего послания следует, – начал граф, – что оставшись недовольными итогами недавних парламентских выборов, наиболее радикально настроенная часть сторонников Народного фронта в армии и на флоте задумала поднять мятеж. А сигналом к мятежу должен послужить арест его величества, которого мятежники намерены в дальнейшем использовать в качестве заложника. Сам акт должен произойти на борту крейсера Испанского военно-морского флота во время перехода из Генуи в Барселону. Предпринятые нами шаги позволили подтвердить вероятность подобного рода событий. Поскольку нам известны имена лишь некоторых заговорщиков, но полного пофамильного списка потенциальных мятежников из числа членов команды крейсера нам добыть не удалось, как, кстати, и вам, мы хотим потребовать замены корабля на другой крейсер с тщательно отобранным экипажем.

Граф умолк, победно глядя на Остенфалька. Мол, попробуй возрази. Однако после ответной речи барона, уверенности во взгляде главного охранника королевского величества прибавилось.

– Хороший план, – кивнул Остенфальк. – Вот только не подвигнет ли он заговорщиков, понявших, что их планы раскрыты, выступить тут же. И не встретят ли тогда в открытом море крейсер с его величеством на борту корабли мятежников, а то и подводные лодки, готовые всадить торпеду в борт?

– Если я правильно понимаю, вам таки придётся изложить свой план, барон? – бросив мимолётный взгляд на поникшего графа, спросил король.

– Если это будет угодно вашему величеству, – поклонился Остенфальк.

– Угодно, – подтвердил король. – Говорите!

Наш план состоит в том, чтобы безо всякой помпы, инкогнито, но под надёжной, разумеется, охраной, доставить ваше величество в Монако сухопутным путём, а уж оттуда любым способом в Барселону.

– И чем ваш план лучше нашего? – фыркнул граф. – Что мешает заговорщикам начать мятеж, когда они узнают, что короля нет на крейсере? Да и выставить заслоны на суше гораздо проще, чем на море.

– А кто вам сказал, что короля не будет на крейсере? – выгнул бровь барон. – Не самого, конечно, а его двойника? Вот взгляните, ваше величество!

Остенфальк протянул королю фотографический снимок. Тот взглянул на изображение человека в парадном мундире и с удивлением воскликнул: – Да это же я!

– Ошибаетесь, ваше величество, – улыбнулся Остенфальк. – На фотографии один из лучших моих людей, загримированный под ваше величество.

– Если внимательно присмотреться, то различие заметно, – сказал разглядывающий снимок граф. Но сходство действительно поразительно. Может сработать! И это позволит выиграть время, я правильно вас понял? – обратился он к барону.

– И не только, – ответил тот. – При благоприятном раскладе, если заговор на крейсере не разросся до катастрофических масштабов, можно будет подавить мятеж на корабле в зародыше, выявив всех заговорщиков.

– Но я не смогу выделить для этого достаточного количества людей, – озабоченно наморщил лоб граф. – В первую очередь я должен обеспечить надёжную охрану подлинного короля!

– Как вы думаете, граф, – поинтересовался барон, – заговорщики знают вас в лицо?

– Почти наверняка. Но к чему этот вопрос?

– К тому, мой друг, – ответил за барона король, – что ваше место рядом с королём, или его двойником, если мы хотим, чтобы его приняли за меня.

– Но...

– Никаких «но», граф! Вы идёте на крейсере!

– Но кто обеспечит охрану вашего величества?

– Я – ответил Остенфальк. – Если, конечно, заслуживаю доверия его величества.

– Заслуживаете, барон, – подтвердил король, повелительным жестом отменяя готовые вырваться с уст графа возражения. – Только ответьте на один вопрос.

– Всё, что будет угодно вашему величеству.

– Зачем вам, шведскому барону, это надо?

Остенфальк задумался, но лишь на мгновение, потом решительно ответил:

– До того как стать шведским бароном, ваше величество, я был русским офицером, приближённым к государю императору. Именно я с группой надёжных офицеров организовал побег царской семьи из Петрограда. И если бы не злосчастная немецкая мина...

Остенфальк умолк. Паузу прервал король.

– Как вас звали тогда?

– Львов. Полковник Львов.

– Да, да, припоминаю... Вы ведь тоже были на том злосчастном судне, не вспомню, как оно называлось?

– «Северная звезда», ваше величество.

– Это ведь вы тогда спасли принцессу Анастасию?

– Увы, только её...

– Расскажите мне об этом? Не теперь. В купе поезда. Мы ведь в Монако поедём поездом, верно?

После аудиенции у короля разговор между графом и бароном продолжился уже в номере графа.

... – На крейсере есть надёжный офицер, которому вы всецело доверяете? Понятно, что это должен быть кто-то помимо командира корабля. Тот обязан действовать строго по уставу.

– Такой офицер есть, – кивнул граф.

– Тогда слушайте...

Ночь на генуэзском рейде выдалась тёмная. Вахтенный начальник испанского крейсера озабочился, чтобы в этот час на правом борту, особенно в районе иллюпочной палубы, находились только надёжные моряки. Негромкое тарахтение судового двигателя заставило офицера зорче всматриваться в темноту. Тарахтение прекратилось и вскоре из тьмы вынырнуло небольшое судно, которое с выключенным двигателем, теперь уже только по инерции подваливало к борту крейсера. Поднятая вверх рука офицера была сигналом для его людей «Приготовиться!». Твёрдая рука рулевого и вовремя сброшенные с левого борта крапцы смягчили соприкосновение бортов, сделав его почти бесшумным. Офицер облегчённо вздохнул и махнул рукой. Вниз полетели верёвочные лестницы, по которым с судна тут же стали карабкаться люди. Последние были ещё на ступенях, когда судно при помощи багров оттолкнули от борта крейсера. Дальше его подхватило небольшое отвальное течение, и оно стало отплывать в темноту. Поднявшиеся на борт десантники попрятались в иллюпках под накрывающим их брезентом, верёвочные лестницы были быстро смотаны. Вся операция заняла не более пяти минут. В темноте вновь послышалось тарахтение, но вахтенного офицера это больше не заботило.

Рано утром к крейсеру теперь уже вполне открыто причалил катер. По парадному трапу на борт поднялся король Испании Альфонсо XIII в сопровождении свиты. Его встречала выстроившаяся на шканцах команда крейсера во главе с командиром, играл духовой оркестр.

На перроне железнодорожного вокзала Пьяцца Принчипе не было ни почётного караула, ни оркестра. Прилично одетые мужчины, но и две женщины тоже, чинно заполнили вагон первого класса. Все они, включая барона Остенфалька, являлись и свитой и охраной ничем не выделяющегося среди остальных мужчины, короля Испании Альфонсо XIII. И никакого фокуса в этом, как вы понимаете, не было.

Шум в коридоре заставил двух мирно беседующих мужчин вскочить на ноги. Ворвавшихся в каюту вооружённых револьверами моряков лжекороль встретил холодным взглядом чуть прищуренных глаз. Руки его были убраны за спину, и в одной из них был револьвер со взведённым курком. Впрочем, моряки оружия не видели и в позе короля ничего, кроме пренебрежения к своим персонам, не усмотрели.

Граф, который и был собеседником короля, в отличие от невозмутимого монарха происходящим был немало обеспокоен.

– Что всё это значит? – задал он вполне очевидный пусть одновременно и банальный для этого случая вопрос, переводя взгляд с одного лица на другое.

Лица моряков озаарились нагловатыми улыбками.

– Только то, господин граф, – ответил один из них, – что вы и ваш король арестованы.

Граф бледнея – в нём явно пропадал незаурядный артист – потянулся к кобуре.

– Не стоит, – предупредил тот же моряк, – вас, граф, нам живым брать не обязательно.

– Сдавайтесь, господа, – предложил другой моряк. Нас здесь трое, а за дверью ещё несколько наших товарищей.

– Сдайте оружие, граф, – произнёс лжекороль и добавил. – Это приказ!

Граф, как бы с неохотой, осторожно расстегнул кобуру и двумя пальцами потянул за рукоять пистолет. Моряки полностью переключили внимание на него, внимательно наблюдая за движением руки. Граф достал пистолет и так же двумя пальцами положил на журнальный стол. Моряки облегчённо вздохнули.

– Так-то... – начал один из них, но слово «лучше» произнести не успел. Удар прикладом винтовки по затылку бросил его тело под ноги лжекоролю. Два его товарища барахта-

лись в руках невесть откуда появившихся дюжих молодцов. По разу они таки выстрелили. Но поскольку им первым делом заломил руки с оружием вверх, то и пули пришлось в потолок. Через несколько минут изрядно помятые они сидели со связанными за спиной руками на диване, придерживая с двух сторон так и не пришедшего пока в себя товарища, руки которого, однако, тоже были в путах.

Граф наблюдал за собранными на икафуте мятежниками. Почти на всех порвана одежда, многие побиты. Большинство прячет глаза, но попадаются смельчаки, которые глаз не отводят. Смотрят вызывающе, почти дерзко. Все моряки стоят на железной палубе на коленях, со связанными за спиной руками.

– Неужели двадцать два человека могут управлять крейсером?

Вопрос адресован тому офицеру, который нёс вахту во время принятия на борт людей Остенфалька.

– Почему нет? – пожал тот плечами. – Вести полноценный бой им, конечно, не под силу, а привести корабль в порт, они вполне способны. Ведь среди них не только матросы, но и офицеры.

– Воевать, говорите, не смогут? А потопить корабль?

– Ну, для этого и трёх моряков хватит, – усмехнулся офицер. – А взорвать, так и вовсе одного. Да и воевать они тоже смогли бы. Я ведь говорил про полноценный бой, а не стрельбу из одного-двух орудий.

– Резонно, – кивнул граф. – Сумели же они захватить корабль.

– Согнать безоружных товарищей в трюм и запереть их там – дело нехитрое. – Мы, конечно, могли им помешать, но вы приказали до поры не вмешиваться...

– Вы поступили правильно. Нужно было выявить всех участников заговора.

– Не уверен, что среди запертых в трюме у них не нашлось бы союзников, удайся их план, – возразил моряк.

– Зачем гадать? – пожал плечами граф. – Основные смутьяны точно все здесь. Лучшие скажите, почему в вашем отряде, кроме вас, только четыре человека?

– Вы просили брать только тех, кому я могу доверять полностью, – пожал плечами моряк. – Среди матросов таких больше не нашлось, а офицеры так просто мне бы не подчинились.

– Логично, – кивнул граф. – Ну, что, пойдём освобождать экипаж?

– Может сначала этих куда-нибудь заперём? – кивнул офицер на мятежников. – Хотя это вряд ли им поможет.

– Вы боитесь, что случится самосуд? – удивился граф. – Я думал, что командир крейсера держит команду в руках.

– Ещё как держит! – подтвердил офицер. – Но его-то я как раз и боюсь. Власть командира на корабле неограниченна. Прикажет всех перевешать и никто ему не укажет!

– Об этом я как-то не подумал, – озадаченно произнёс граф.

– Зато я об этом подумал!

К ним подошёл бывший лжекороль, который без грима на Альфонсо XIII не походил совсем.

– Поэтому мы забираем этих людей с собой.

– С собой? – не понял граф. – Как вас прикажете понимать?

– Очень просто. Через несколько минут подойдёт судно, на которое я, мои люди и эти бедолаги, – последовал кивок в сторону мятежников, – погрузимся и уйдём в направлении, о котором вам знать не обязательно. Вы же пока посидите в кают-компани. Кстати, ваши люди уже там, – сообщил командир десанта морскому офицеру. – Посидите под замком

и без оружия. Когда мы отойдём от борта крейсера, можете ломать дверь и освободить команду. А теперь сдайте оружие и следуйте за мной!

Часть десантников, которые охраняли мятежников, повернули стволы в их сторону, и граф счёл за благо подчиниться. В конце концов дело сделано, А избежать «удовольствия» видеть болтающихся на рее моряков для него самого скорее благо, ради которого можно потерпеть временный дискомфорт. Поэтому граф безропотно расстался с пистолетом, морской офицер последовал его примеру.

– Союзники так не поступают, – не удержался от упрёка граф, когда их вели к кают-компани.

Командир десантников рассмеялся.

– Но согласитесь, граф, избежать риска получить в спину пулю, а то и снаряд, стоит того, чтобы слегка пренебречь союзническим долгом.

Когда шум винтов стал удаляться, граф приказал ломать дверь. Получилось это не вдруг. Так что когда они вывалились на палубу, судно, уходящее от крейсера полным ходом, было от них не менее чем в 10 кабельтовых.

– Может, попробуем достать их из пушки? – спросил граф, в душе надеясь, что ответ будет отрицательным, и с облегчением вздохнул, когда его надежда оправдалась.

– Не получится, – махнул рукой моряк. – Они заглушили двигатель, а без электричества нам баинько не повернуть, и тем более не запустить винты. Вы двое, приказал он морякам, бросайте якорь, пока нас не вынесло на какую-нибудь банку, а мы пойдём освободить наших пленных.

– Почему вы позволили так называемым союзникам увезти с собой мятежников?!

В голос командира крейсера то и дело прорывались грозвые нотки, хотя он себя и сдерживал как мог, памятуя, что разговаривает с начальником охраны короля.

– Перевес был на их стороне, – пожал плечами граф. – А организовать погоню, пока они ещё были в видимости, мы не могли, они застопорили двигатель.

– Знаю, – поморщился командир. – Ещё они сломали рацию. И двигатель не просто застопорили, а вывели из строя. Механик доложил, что на устранение поломки уйдёт ещё не менее часа. Но зато потом...

– А может ну их? – предложил граф. – Если мы их даже и догоним, без боестолкновения вряд ли обойдётся. Если при этом пострадают люди, которые фактически подавили мятеж на крейсере, такое вряд ли понравится вашему командованию, я уже не говорю о короле. А так уплыли и уплыли. Зато теперь со всем основанием можно рапортовать, что мятеж подавлен силами команды.

– А что... – у командира загорелись глаза. – Так, пожалуй, будет лучше всего!

«Я так понимаю, что Шахрезада окончила дозволенные речи?» – иронично поинтересовался виртуальный Абрамов.

«Правильно понимаешь, о алмаз моей души», – усмехнулся виртуальный Ежов.

«Только я одного не пойму, – Васич задумчиво почесал виртуальное темя. – Кто из команды Львова сыграл роль короля?»

«Я думал, ты догадался, – удивился Ёрш. – Да твой знакомец, Зверев».

Ладно, мои виртуальные друзья. Спасибо за помощь, можете быть свободны. И оба моих друга тут же растаяли без остатка, как растаяли недавно пытавшиеся занавесить знойное московское небо робкие облачка. А я остался вдыхать пока ещё чуть осязаемый аромат наступающего вечера и, памятуя о том, что вояж дочери за мороженым не может длиться вечно, перевёл размышления о трагической судьбе Испании 30-х годов в завершающую стадию.

Если в трагедии ТОЙ Испании можно найти великий ужас, но и великое прекрасное тоже: я имею в виду посвящённые тем событиям произведения искусства, то в нашей реальности всё прошло, можно сказать, буднично. Та реальность ужас кровавых боёв и варварских бомбардировок после того, как подверглась более глобальному ужасу, именуемому Второй мировой войной, в дальнейшем как бы просто имела в виду. Зато живописное полотно «Герника» великого Пикассо, роман «По ком плачет колокол» Хемингуэя, да и «Гренада, Гренада, Гренада моя!» Михаила Светлова, навеки вошли в золотой фонд мирового и советского искусства.

В ЭТОЙ Испании не без помощи мирового сообщества и нашего – моего, Васича и Ерша – скромного вклада бастионы демократии устояли. Правые без военной поддержки Италии и Германии на выступление так и не решились, а левые хотя и сделали попытку, но проиграли партию ещё в дебюте. Вот для них, левых, локальная трагедия место имела. Не дождавшись сигнала с крейсера о пленении короля, руководитель мятежа, опять-таки не без подсказки агентов Львова, поторопились дать отбой и большую часть документов и списки заговорщиков успели уничтожить. Но по разным причинам часть мятежников всё же выступила. Их довольно быстро обезвредили, десятки человек были арестованы. Гражданские лица были осуждены на различные сроки заключения. Но военнослужащих военные трибуналы почти повсеместно приговорили к смертной казни. Тогда в ситуацию вмешался лично Альфонсо XIII. Король внёс на рассмотрение парламента законопроект о моратории на смертную казнь по политическим делам, не связанным с уголовными преступлениями. Парламент быстро, хоть и с небольшим перевесом голосов, этот проект одобрил. Большинству приговорённых военнослужащих смертную казнь заменили на длительные сроки заключения. Поговаривают: о таком шаге короля попросил лично барон Остенфальк, но я не уверен, что это не просто слухи.

А вот и Машаня с мороженым!

– Таковую очередину отстояла, – тараторила сидящая рядом со мной на скамейке дочь. – Сама чуть не растаяла, как Снегурочка. Но чего не сделаешь ради отца родного, раз уж ты у меня такой сладкоежка!

19—АПРЕЛЬ—38

Судьбы сплетенье...

Петроград

Если в прихожей Руфь ещё испытывала лёгкое волнение, то, войдя в комнату, тут же от него избавилась. Накрытый стол был, по её мнению, явным признаком капитуляции. Потому в предложенное полукресло Руфь опустилась с видом победительницы. Ольга Абрамова села по другую сторону стола.

— Чай, или предпочитаете чего покрепче? — спросила хозяйка дома.

— Прежде чем что-то отведать с этого стола, я хотела бы получить ответ на вопрос, который я поставила перед вами во время нашей прошлой встречи.

Произнося эту фразу, Руфь нравилась самой себе. Поза надменная, даже чуть вызывающая. Слова слетают с ярко накрашенных губ, как острые стрелы. И хотя противник, как ей думается, уже повержен, не стоит его щадить раньше времени. Вот станем родственниками, тогда...

— Нет.

Ответ Абрамовой настолько не вплетался в мысли Руфь, что она поначалу восприняла его как оговорку.

— Вы сказали «нет», — уточнила она, — я не ослышалась?

— Вы не ослышались, — подтвердила Ольга. — Наш ответ на ваше предложение: нет, свадьбы не будет!

— Но как же так, — пролепетала Руфь, — я ведь вам сказала, что Юлечка беременна. Или, — на её лице мелькнула догадка, — Глеб отрицает, что является отцом будущего ребёнка?

— Нет, — голос Ольги звучал мягко, доброжелательно. — Мой сын не отрицает, что между ним и вашей дочерью произошло... соитие, простите, не смогла подобрать другого слова.

— К чёрту ваши извинения! — воскликнула Руфь. — Если он ничего не отрицает, как прикажете понимать его отказ жениться?!

— Это не его отказ, — поправила Ольга, — это наш общий отказ, отказ всей нашей семьи.

— К чёрту вашу семью! — Руфь распалялась всё больше и больше. — Чем вам не подходит моя дочь?! А... кажется понимаю. Она вам не подходит, потому что она еврейка, я угадала?!

— Какая глупость... — поморщилась Ольга.

— Глупость?! — вскричала Руфь. — Хороша глупость, из-за которой у моей девочки растёт живот!

— Вот что! — голос Абрамовой настолько враз окреп, что заморозил на устах Руфь готовые слететь с них слова. — Хватит истерить. Помолчите немного и послушайте меня! Я поговорила с Глебом. Он хорошо отзывался о Юле, он даже не отрицает того, что она ему немного нравится, но он её не любит. Понимаете? Н е л ю б и т!

Щёки Руфь вспыхнули, как два аленьких цветочка.

— То есть вы хотите сказать, что ваш сын обрюхатил мою дочь без любви? Проще говоря, изнасиловал мою девочку?!

— Но-но, — нахмурилась Абрамова. — Не стоит бросаться словами. На той злосчастной вечеринке было довольно много народу. Я провела негласное расследование, и выяснила: есть немало свидетелей того, что Юлия уединилась с Глебом по доброй воле.

— Вот именно! — воскликнула Руфь. — Девочка доверилась ему, а он воспользовался её наивностью, теперь же отказывается жениться — это бесчестно!

– А расплачиваться всю жизнь за юношескую глупость – это, значит, благородно? – фыркнула Ольга. – Если уж на то пошло, бесчестно подкладывать наивную девушку под наивного юношу ради того, чтобы устроить дочери выгодный брак!

Лицо Руфь пошло пятнами.

– Да... да как вы можете только предположить такое?!

– А что я должна предположить? – пожала плечами Ольга. – Что еврейская мать не упредила малолетнюю дочь обо всех последствиях соития с мужчиной? Согласитесь, глупо! Остаётся предположить только то, что я озвучила.

Руфь закусил губу. Самое обидное, мать Глеба ошиблась лишь в деталях. Когда дочь поведала ей о том, что влюблена в молодого курсанта, Руфь тут же навела о нём справки. О лучшей партии для Юлии можно было и не мечтать! Мальчик оказался из семьи высокопоставленных военных. Отец – начальник Генерального штаба! Мать – и та имеет звание генерала. Нетрудно представить, думала Руфь, с какой скоростью молодой офицер начнёт продвигаться по служебной лестнице и каких высот в итоге достигнет! И она полностью одобрила выбор Юлии. Однако время шло, а подушка дочери лишь набухала слезами. Глеб Абрамов охотно встречался с Юлией, но жениться не спешил, если вообще имел это в виду. Ещё немного, новоиспечённый лётчик расправит крылья и... поминай жениха, как звали! И вот в преддверии новогодней ночи, которую молодые люди наметили провести в одной компании, Руфь решилась предложить Юлии крайнюю меру.

Девушка плакала, ей было страшно. Мать ласково гладила её по голове.

– Мама, я боюсь. А если Глеб и после этого не сделает мне предложение? Он ведь меня не любит...

– Глупенькая, – улыбалась Руфь, – ты не права, он тебя любит, просто мужчины более скрытны, чем мы, женщины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.